

**ВЛАДИМИР
СУХИНИН**

СКОРПИОН ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Виктор Глухов

Владимир Сухинин
Скорпион Его Величества

«Сухинин Р.В.»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сухинин В. А.

Скорпион Его Величества / В. А. Сухинин — «Сухинин Р.В.»,
2018 — (Виктор Глухов)

ISBN 978-5-9922-2633-1

Миру Сивиллы грозит потрясение. В степи зарождается новый воинственный культ Худжгарха. Земля сотрясается от топота тысяч боевых быков, подстегиваемых орками. Кровь обильно поливает серебристый ковыль. В пламени гражданской войны гибнут племена. Лигирийская империя дождалась своего часа и втайне замышляет вторжение в Вангор. Княжество снежных эльфаров на грани развала, вызванного предательством правящих домов. Лесное княжество готовится к тяжелой и кровопролитной войне с орками. Худжгарх собирает войска своих последователей, чтобы выступить против империи. Мир замер накануне неотвратимого катаклизма... Кругом плетутся интриги, зреют заговоры и совершаются убийства. И в центре всего этого обыкновенный студент магической академии.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2633-1

© Сухинин В. А., 2018
© Сухинин Р.В., 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Сухинин

Скорпион его величества

*Как ночь рождает тьму,
И как огонь к теплу нас манит.
Смирись! Прими свою судьбу
И Скорпиона знак, что остро жалит.*

*Ария императора.
Лигирийский императорский театр*

Пролог

Десять всадников на быках приблизились к лагерю свидетелей Худжгарха. Один из них поднял руку и остановился. Остальные, следуя команде, натянули поводья, сдерживая боевых лорхов, и тоже остановились. Поднявший руку внимательно всмотрелся. Перед ним был не воинский лагерь, а нагромождение фургонов, расставленных в полном беспорядке. Он скорее напоминал табор беженцев от войны. Не было обычных разъездов, которые должны были уйти на полдня от лагеря и вести разведку. Часовых на своих постах тоже не было, сам лагерь стал вдвое меньше, и было понятно, что часть орков покинули его. Лагерь свидетелей был запущен и представлял жалкое зрелище. Не воинский лагерь, а стойбище козлопасов, подумал Грыз. Более оскорбительного прозвища для воинов не существовало. Когда видели орка в плохом снаряжении и с оружием, которому он не уделял должного внимания, то его презрительно называли козлопасом. Коз пасли самые никудышные рабы, которым не доверяли ничего другого, они были вечно голодные, грязные и оборванные.

Было видно, что в середине лагеря собралась большая толпа и слушала очередного проповедника. Грыз помнил, как не так давно такие проповедники вещали от имени Худжгарха и смущали умы орков. Они появлялись толпами, как грибы после дождя, и пытались учить и вести за собой толпу. На тот момент последователи Худжгарха были как стадо лорхов, без вожака. Нечто подобное происходило и сейчас.

Грыз снова дал отмашку, и отряд шагом двинулся дальше. Орк брезгливо поморщился, когда увидел под ногами неубранный навоз от лорхов. «Неужели сюда собрались только самые недостойные?» – подумал он. Он пригляделся к бунчукам племен. Техколо, самарард, чивчаки и еще десяток таких же достойных уважения племен. Но грязь под ногами и спящие под повозками орки, безразличные ко всему, у Грыза вызвали протест. Он недоумевал, как за такой короткий срок воинский лагерь в походе – а именно таким он оставлял его – превратился в стоянку пастухов, обросшую нечистотами. Он ехал вдоль шатров, у которых и там и сям сидели орки и курили какую-то траву. Некоторые были неподвижны как статуи, уставившись пустыми глазами перед собой.

У первого встречного орка, который лениво шел мимо, не замечая приезжих, он спросил: – Что делают эти воины? – Грыз пригнулся к луке седла и указал плетью на куривших.

Орк посмотрел на сидящих, следом так же лениво перевел взгляд на Грыза.

– Они познают истину, заблудший. – Тон и выражение лица орка не давали повода сомневаться, что он относится к Грызу и сопровождающим его воинам с презрением, что было само по себе странно. Грыза хорошо запомнили все последователи, его авторитет был непререкаемым, а отсутствовал он всего ничего.

– Ты меня знаешь? – на всякий случай спросил он орка. Может, он из новых и не видел предводителя последователей Худжгарха.

– Ты Грыз заблудший, – усмехнулся все так же с ленцой орк. – Чего тебе надо?

– А где Шаргныз, которого я оставлял за себя? – спросил Грыз.

Орк зло посмотрел на своего бывшего предводителя.

– Этот неверный убит, – ответил он и, презрительно сплюнув под копыта его лорха, пошел дальше.

– Неверный? – удивленно повторил Грыз и приказал: – Быть готовыми к нападению! Странные дела творятся нынче здесь. Поехали, послушаем этого проповедника. – И он ударом пяток подстегнул быка.

Толпа стояла плотно и благоговейно слушала, как вещал с телеги невысокий худощавый орк. Телегу окружил десяток воинов, которые не подпускали толпу близко к говорившему. Орк хорошо поставленным голосом просвещал слушателей:

– И увидел тот, имя которому Отец наш, что орки ослабли духом, стали мягкие, как души женщин, и вознегодовал. Послал он Меч свой карающий для вразумления детей своих. Чтобы кровью укрепить сердца их, чтобы телами братьев своих выстелили они дорогу храбрости и мужества к сердцам верных. Как имя этому Мечу? – заорал проповедник и приложил руку к уху.

Толпа разноголосно прокричала:

– Худжга-арх!

– Не слышу! – повторил проповедник, и толпа уже сплоченнее и громче заорала:

– Худжга-арх!

– Кто он? – так же громко прокричал, вопрошая, проповедник.

Грыз оглядел собравшихся, их глаза горели фанатичным огнем, и они, по всему было видно, верили тому, что говорил худой орк, стоявший на телеге.

– Он – Меч, карающий неверных! – в один голос ответила заведенная толпа.

– Воздадим же ал-лая нашему господину! За то, что он вспомнил о нас и послал вразумление! – снова во все горло заорал тщедушный проповедник, и крик его громом разнесся по лагерю.

Толпа подхватила этот крик и, подняв руки, заорала:

– Ал-лая! Ал-лая!

– Дети неразумные, – продолжил проповедник, – я поведу вас к величию и бессмертию! Это трудный путь, он требует самопожертвования, и только самые верные достигнут его. А все сомневающиеся, слабые станут хворостом для костра святой мести. Вы хотите стать таким хворостом? – снова усилив голос, спросил проповедник.

И толпа, впавшая в экстаз, в едином порыве закричала:

– Не-эт!

Орк вытащил из поясной сумки горсть самокруток и кинул их в толпу.

– Дым просвещения поможет избранным познать правильный и единственно верный путь, – сопровождал он бросок словами.

По толпе прошло судорожное движение, и разлетевшиеся самокрутки расхватили, оттачивая друг друга, счастливчики. Орк между тем продолжал завывать, подняв руки к небу:

– Открой мне знания, господин мой!

Грыз перекинул ногу через седло и, поудобнее усевшись, подтянул колено к груди. Посмотрел на небо и снова обратил взгляд на застывшего проповедника.

– Жулик, – негромко сказал он.

Толпа примолкла, и его тихие слова были хорошо слышны в установившейся после драки за самокрутки тишине. На него с негодованием стали оборачиваться ближайшие слушатели.

– Ал-лая! – вдруг завопил проповедник во все горло, и толпа, ожидавшая какого-то чуда, вздрогнула.

Грыз внимательно оглядел лица слушателей. На них было выражение восторга, но глаза были пусты.

– Мне открылось небо! – опустил руки проповедник.

Грыз перевел взгляд на него.

– Ал-лая! – заревел тот.

И толпа в едином порыве бешено заорала:

– Ал-лая! Ал-лая!

Дождавшись, когда крики смолкнут, проповедник продолжил:

– И голос с небес мне сказал: «Иди к детям заблудшим моим и научи их любить меня. Кто будет любить брата, жену, или мать, или дитя свое больше меня, тот недостоин меня!» И вот я пришел испытать вас, не сам пришел, господин наш послал меня. – Он оглядел горящим взором собравшихся. – Есть ли среди вас те, кто хочет показать свою веру?

– Есть, учитель! – ответил громко кто-то, и, расталкивая толпу, к телеге пробился старый орк, таща за собой связанного юношу.

– Это младший сын мой, – дернул он веревку, и молодой орк упал на колени. – Неверующий он, меня соблазняет, чтобы ушел я и бросил господина нашего. Я хочу принести его в жертву.

– Вот достойный пример для подражания, братья! – показал на пожилого пальцем проповедник. – Воздадим господину нашему ал-лая и поддержим брата на пути его праведном.

Толпа заревела, повторяя:

– Ал-лая! Ал-лая! Ал-лая!

Грыз, смотревший до этого с ироничной улыбкой на представление худого, понял, что шутки закончились. Здесь под личиной свидетеля Худжгарха стоял самозванец и творил невообразимое. Что могло случиться с орками, что они потащили на жертвенник своих детей? И он, перекрикивая шум толпы, заорал:

– Стоя-ать!

Орки, окружившие телегу, оглянулись, и их крики смолкли. Они удивленно воззрились на Грыза, который в гневе смотрел на них.

– Остановитесь, орки, разве вы не видите, что вас обманывают! Это не свидетель Худжгарха, он его и не видел никогда.

Но толпа в ответ зароптала. Орк, стоявший на телеге, взмахнул рукой:

– Тише, братья, здесь у нас заблудший. Он не познал еще истину и не видел силу, дарованную Худжгархом, нам, его верным последователям. Если ты смел, воин, то выйди и сразись с одним из нас. – Он показал на орков, охранявших телегу. – Пусть победа достанется тому, кто прав, – вкрадчиво сказал проповедник. Довольный, он свысока смотрел на собравшихся. – Мы поступаем по нашим освященным творцом обычаям. Не так ли, братья?

– Так, учитель! – снова завопила толпа.

Грыз окинул быстрым, цепким взглядом собравшихся. Возбужденные орки с пустыми глазами обступили отряд Грыза и готовы были разорвать их. По всему было видно, этот проповедник применяет какую-то мерзкую волшбу.

– Я лучше призову молнию с неба, откуда к тебе пришел голос, незнакомец, и посмотрим, ответит ли оно мне. – Он оскалил клыки, вытянул руку и крикнул: – Молния, все разом!

И десяток молний ударили по телеге с неба. Часть из них попала в проповедника, а часть прошлась по его охране. Сверкнул щит. Орк упал, но тут же, шатаясь, поднялся. От него шел дым и пахло паленой шерстью. Молнии пробили защиту, но, ослабленные, только оглушили проповедника. Он стоял покачиваясь, и все, кто были вокруг повозки, увидели, что вместо орка-учителя поднялся серый демон. Его хвост бешено стегал по телеге. Он помутневшими

глазами оглядел толпу, тычущую в него пальцами, посмотрел на свои руки и, вдруг поняв, что разоблачен, ловко извернулся, спрыгнул с телеги и опрометью, длинными скачками бросился бежать.

Толпа в страхе раздалась в стороны и пропустила его. Но тут тонко тренькнула тетива, и стрела вонзилась ему между лопатками. Раздался оглушительный взрыв, голова демона высоко подлетела вверх и, вращаясь, стала падать. В полной тишине она упала и подкатилась к ногам спешившегося Грыза. Он наступил на нее сапогом и остановил движение. Потом с силой ударил ногой и снова отправил голову в полет. Спокойно подошел к молодому орку и, разрезая веревки, которыми тот был связан, с грустной усмешкой сказал:

– Хорошего вы выбрали себе учителя, орки, прямо из преисподней.

Глава 1

Провинция Азанар

Овор в последнее время от обилия девушек, привезенных Ирридаром, терялся.

Он никак не мог предположить, что тот в свободное время займется тем, что будет спасать девиц. Ладно, предки с ними. Пусть спасает. Но он тащит их в поместье! Создавая двусмысленную, неопределенную ситуацию. Кем они стали для него и кем он стал для них? Этого не знали сами девушки и не говорил Ирридар. Он их привез, оставил и скрылся, а дядька должен был решать непосильную задачу, как заставить их мирно сосуществовать. Ситуация осложнялась завуалированным, а то и явным соперничеством. Вирона на дух не переносила Ринаду, та отвечала ей взаимностью. Они даже пытались перешеголять друг друга нарядами, но Лианора быстро это пресекла и выдала всем одинаковые платья. На робкие возражения она только приподняла левую бровь, и возмущение сразу угасло. Потом появилась эта очень странная черная красавица. Она не спорила, не старалась первенствовать. Не стала участвовать в этой подковерной борьбе, не стала становиться на чью-либо сторону, хотя хитрая берка пыталась сделать ее своим союзником. Она занялась магической защитой поместья и как-то естественно взяла на себя обязанности главы охраны. Ветераны-нехейцы убедились в ее профессионализме и спокойно, без возражений приняли ее старшинство. Здесь сказалось еще устройство общества нехейцев, где женщины часто возглавляли отряды самообороны селений, будучи избранными старостами. Поэтому у стариков не было проблем в том, чтобы признать женщину главной. Даже наоборот, они с гордостью называли ее «наша тана командир». Она установила следящие артефакты, усилила мины и наполнила ров хитроумными ловушками. Черная ловко орудовала кинжалами и владела неизвестными здесь приемами рукопашного боя. Деды готовы были идти за ней в огонь и воду и между собой считали ее нехейкой. Но в то же время ее необычная красота и нежность, с которой она вспоминала Ирридара, выводили из себя остальных двух девушек. Особенно часто бунтовала берка. Если Вирона работала в трактире, а Чернушка была вообще начальником, то положение берки было самым незавидным. Она была свинаркой. Ухаживала за поросятами и убирала за ними.

– Дядя Овор, – периодически плакала она, – я больше не могу. Этот запах меня всюду преследует, от меня ужасно воняет, и я чувствую, что сама скоро превращаюсь в свинью.

Овор тяжело вздыхал и обращал свой грустный взор на спасительницу-дворфу. Та не знала сомнений и всегда спокойно говорила:

– Дорогая, ты заблуждаешься. Поверь мне, ты всегда пахнешь как полевой цветок. Хочешь пойти в трактир подавальщицей?

Ринада в ужасе замахала руками, вспомнив первый и единственный день, когда она «вышла в свет». Посетители ее сразу заметили, и один дворянин тут же силой усадил ее себе на колени. Недолго думая рукой залез ей под юбку. Ринада взревела как морская сирена и укусила нахала за нос. Потом огрела кружкой по голове и, когда тот упал, бросилась бежать от его охранника. Скандал тогда еле замяли, выплатив приличный откуп.

– Дело в том, что ты, дорогая Ринада, ничего не умеешь делать. Посуду мыть ты отказалась. В трактире работать не хочешь, остаются только поросята или работы в саду.

– Я не могу работать в саду, – ответила берка, – там этот ужасный пруд. Мне страшно. Научите меня сражаться на мечях, я в охрану пойду.

– Ринада, – мягко сказал Овор, – учить воинскому искусству вас уже поздно, это надо было делать с детства. Может быть... – Он замялся. – Не подумайте плохого... что я вас гоню. Но, может быть, вам лучше будет взять денег... я дам достаточно, чтобы вы могли прожить, – поспешно добавил он, – пока не устроитесь. И уехать?

Берка затравленно огляделась:

– Нет, тан Овор, я лучше останусь с поросятами.

Жизнь в поместье протекала вроде бы мирно, но, как серый страж, Овор отчетливо чувствовал разливающееся в воздухе напряжение. Это тревожило его и не давало обрести покой. Для него стало сильным потрясением, когда воспитанник в очередной раз привез девушку.

Он взглянул в ее черные блудливые глаза и обмер.

«Это конец, – подумал он. – Девочки сейчас сорвутся с цепи, на которую их посадила дворфа, и устроят погром».

Именно это и случилось. Смелое, откровенное заявление приезжей возмутило всех, в том числе и черную начальницу охраны, и орчанку, которая помогала в трактире наводить порядок. Уж к ней-то не лез ни один аристократ или подвыпивший наемник. Жезл за поясом, длинный кинжал, горящие яростью глаза и клыки отбивали желание у любого охочего до сладкого. С ней также не спорили охранники из оставшихся наемников. Мага Овор наградила и отпустил. Бывалые ребята сразу поняли все плюсы ее командования. Им теперь не было необходимости вмешиваться в разборки с дворянами. Достаточно было появления таны Ганги, и все склоки и драки прекращались сами собой. Никто не хотел связываться с орчанкой. Был, правда, один глупец, что пожелал удовлетворения, но после того, как она на дуэли отрубила ему руки, авторитет девушки взлетел до небес.

Овор сидел тихо в уголке, пока молодой Аббаи делал внушение женской половине поместья, и с небольшим расстройством в чувствах размышлял. Наивный юноша подарил надежду девушкам, пусть не сознательно, а из благородства, не преследуя далеко идущие цели. Но он опрометчиво сам поставил их в такое сомнительное положение и теперь хочет их лишить этой надежды, которую каждая из девушек взлелеяла в своей душе, может быть, даже украдкой от самой себя. И конечно же не смогла удержать в тайне с появлением еще одной смазливой мордашки.

Овор незаметно приглядывался к стоявшей за спиной орчанки девушке. И чем больше он думал и подмечал ее жесты, то, как она смотрит, стоит и двигается, тем явственнее понимал, что она больше подходит для шпионки, любовницы, тайного убийцы или телохранителя, но никак не годится на роль служанки. Вернее, роль служанки она могла играть в совершенстве, но он-то был обучен выявлять именно таких вот служанок. Имя странное – Рабэ, что за имя такое? Овор, погрузившись в свои мысли, особо не прислушивался к тому, что говорил Ирридар. А тот встал и ушел, словно разрешил все проблемы. Нет, он их только усугубил, подумал дядька и вздохнул, но, так как он сделал это несколько громче, чем надо было, на него обратили внимание. Орчанка, произнеся:

– Значит, так, слушайте... – замолчала и в упор уставилась на него.

Овор понял, что девушки решили все взять в свои руки и он им только мешает. Встал и, прощаясь, сказал:

– Вы, девушки, простите, но у меня дела, надеюсь, разберетесь тут без меня.

Девушки в полном молчании глазами проводили Овора и обратили взоры на орчанку.

– Значит, так, слушайте, – повторила она. – Не скрою, Ирридар меня выиграл как приз, но за это он получил право основать свой род, и я в него вошла как невеста. Он не может отказаться от меня, если я не нарушу правила приличия и не изменю ему. Поэтому он обещал жениться. – Она замолчала, обдумывая, как преподнести неприятную для нее правду, но все же продолжила: – Если я выполню его условия. – Она снова замолчала, прикидывая, что можно сказать, а о чем лучше умолчать.

– Какие условия? – не выдержала берка.

Орчанка наконец решила для себя, что можно говорить, а что нет, и продолжила:

– Это не важно, хотите, у него спросите. Я же в ответ выставила свои условия.

Девушки жадно внимали ей, желая услышать откровения.

– Условия такие. Я дам согласие на других жен, если они будут красивые. – Она оглядела всех, и их щеки стали пунцовыми. Видимо, каждая примеряла на себя наряд невесты, определяя, насколько она соответствует эталону красоты. – Если они будут послушны ему, покажут свое искреннее уважение... – Она с усмешкой посмотрела на каждую в отдельности и закончила: – И если я увижу, что они его искренне любят.

В столовой воцарилась тишина. Девушки обдумывали сказанное орчанкой. Ганга тоже молчала, все, что было нужно, она сказала, она была первой невестой, и с этим уже ничего не поделаешь.

– Как жаль! – наконец произнесла Лианора. – Я уважаю хозяина и люблю его, но я некрасива-а-я-а, – прорыдала она.

Остальные сначала оторопело уставились на нее, а потом все вместе стали уговаривать и утешать.

– Ну что ты, Лия, ты очень красивая. – Вирона встала, пересела к ней поближе и обняла ревущую дворфу. – Ты гораздо красивее некоторых.

– Правда-а? – прохлюпала дворфа. – Ты считаешь, что я красивая? Но я маленькая и широкая!

– Успокойся, ты хоть и маленькая, но красивее той же Ринады, – погладила ее по голове Вирона.

Берка вскочила:

– Да, Лия, ты красивее многих. Хоть ты и невысокая, но ты не такая толстая, как Вирона, вот ей уже никогда не стать невестой нашего спасителя. Что касается меня, – она обвела всех горящими от негодования глазами, – то я не претендую на роль невесты. Да и зачем барону иметь жену-свинарку. – Она развернулась и выбежала из комнаты.

Девушки удивленно посмотрели ей след.

Дворфа укоризненно взглянула на Вирону и покачала головой.

– Ну что ты ее все время задираешь? – мягко спросила она.

Лианора уже успокоилась и стала прежней – твердой как скала и доброй, как бабушка.

– Да больно нужно задирать эту выскочку, – прошипела Рона. – Меня тоже вычеркните из невест. Не гожусь я для этого. – Она раздраженно дернула плечом, набычилась и вышла вслед за Ринадой.

– Ой! – спохватилась дворфа. – Мне же надо продукты принять! – И быстро покинула зал.

В столовой остались трое: Ганга, с удивлением наблюдавшая за происходящим, Рабэ, стоявшая тихо как мышка за ее спиной, и Чернушка, сидевшая задумчиво, устремив взор в потолок.

– Странное у тебя имя, Чернушка, – прервала затянувшееся молчание Ганга. Она украдкой разглядывала замечтавшуюся чернокожую девушку и не могла не отдать ей должное – та была красива, неповторимо красива своей необычностью.

Чернушка посмотрела на Гангу:

– Это имя мне дал мой друг, а раньше меня звали Ильридана.

Орчанка оглядела чернокожую красавицу: спокойная, решительная, воинственная, красивая, надежная. Да, она была бы не прочь иметь такую сестру, но кое-какие сомнения все же оставались...

– Это не ты ли хотела принести в жертву Ирридара? – сопоставив услышанное от Фомы про черных ведьм и увиденную здесь в поместье Ильридану прищурилась орчанка.

– Нет, это мои сестры. Они хотели и меня принести в жертву, но... но не смогли.

– А почему? – Ганга подалась вперед, поняв, что наконец-то подобралась близко к тайне жениха.

– Спроси у него, – неожиданно ответила девушка и поднялась. – Мне тоже пора, скоро смена караулов.

Она ушла, оставив разочарованную Гангу наедине со служанкой и невеселыми мыслями. Орчанка не ожидала, что у нее появится столько соперниц, не понимала мотивов своего жениха, который заполнил дом Овора красавицами. С одной стороны, он не проявлял к ним никаких чувств, с другой стороны, зачем было их собирать. Он был для нее непонятен и притягателен одновременно.

Вирона, пылая яростью, гневом и ревностью, вошла в свою комнату. Поместье было большое, строилось с размахом, и свободных комнат было достаточно. У нее даже была не комната, а апартаменты: спальня, гардеробная и маленький уютный зальчик с камином. Она бухнулась в кресло и разревелась. Все в этой жизни происходит не так, как ей думалось в детстве, не так, как она представляла себе в своих девичьих мечтах. Вместо счастливой жизни на какой-нибудь обитаемой планете она торчит тут одна. И единственную отдушину, которая у нее была, и ту забрали. Вирона вытерла глаза и уставилась на огонь в камине. Она, конечно, отдавала себе отчет, что когда-нибудь, возможно, даже скоро ее отзовут и она вернется в мир, напичканный плодами цивилизации. Она бросит все здесь и забудет как страшный сон. Юный барон тоже останется здесь, и, быть может, она даже будет по нему скучать. Но сейчас ей нужна была его грубая ласка, нужно было чувствовать его сильные руки на своем теле и пылать жаром желания, чтобы потом млеть, лежа рядом с ним.

– Бесчувственный чурбан! Эгоист! Любит только себя. Натаскал девок и рад, что спихнул на дядьку. У-у! Убила бы! Вместе с этой противной мышью! – Она разговаривала сама с собой.

Перейдя в спальню, Вирона разобрала постель и легла, уткнувшись в подушку. Как он не понимает: он ей очень нужен, только он не дает ей сойти с ума в этой проклятой дыре! Зачем ее здесь держат? Она не работает по специальности, с ней нет связи, ей не дают выхода на спутник. Она может только принимать сообщения. Неужели там, в АДе, работают одни идиоты? Какую информацию она будет здесь анализировать? Количество поросят в свинарнике у Ринады? Ее мысли перескочили с любовника на начальство и вернулись обратно. Любит ли она его? Наверное, да. Только как-то по-другому, не как человека, с которым могла бы связать свою жизнь. Он не был ее первым мужчиной, он не использует, как другие, разные электронные стимуляторы, скачанные на нейросеть и продлевающие наслаждение. Скорее, это влечение к сильному мужчине, к красивому любовнику. Хотя встречи их редки и пусть полны бурных бессонных ночей, но это не то, что она хочет получить от жизни. Он не приносит с собой покой и умиротворение, вместе с ним приходит тревога, скандалы и какие-то происшествия. Он всегда в гуще событий и полон тайн. С ним нелегко, думала Вирона, засыпая.

Она не покидала свои комнаты, пока Ирридар гостил в поместье, а утром он и орчанка уехали. Вирона сказала, что больная и не пошла в трактир. Вечером, устав сидеть затворницей, накинула шубку из какого-то лохматого зверька и вышла в сад. В поместье вдоль аллеи стояли магические светильники. Ирридар постарался, вспомнила она. Хруст снега под ногами успокаивал, и, проходя мимо пруда, она подумала: «И чего его бояться? Дикари». Вирона свернула к домику прислуги. Она успела сделать только три или четыре шага, как неожиданно у нее потемнело в глазах, потом подступила легкая тошнота, и она упала, потеряв сознание.

Овор готовился ко сну, когда в дверь постучали. Накинув халат, он пошел открывать. На пороге стояла гресса Ильридана и за ней конюх, который по совместительству был еще и дворником. Странная компания пожаловала к нему на ночь глядя. Овор плотнее запахнул халат и спросил:

– Что-то случилось, гресса Ильридана?

– Я думаю, да, господин Овор. Пропала Вирона.

– Как пропала? – Овор непонимающе посмотрел на Чернушку, потом на стоявшего за ее спиной конюха. – В каком смысле пропала?

– В прямом, тан. Вышла в сад и на глазах рена Гринжи пропала. Расскажите, рен, что вы видели, – обратилась она к конюху и отступила в сторону.

Тот помялся, держа шапку в руках, потерял мочку уха, пальцем провел по носу и ответил:

– Так это, я почти ничего не видел, значит. Только вышел из дому дров принести. Жена моя Маргуна попросила, хотела тесто на пироги поставить и ночью их испечь, значит. Для молодого барина в дорогу, значит. Маргуна знает, что ее пироги барин очень любит и забирает все. – Его лицо стало довольным, он поправил усы. – И то сказать, ваша милость, пироги у Маргуны выходят замечательные. Она рецепт теста особый знает, а начинка у нее всегда разная, значит.

Овор терпеливо ждал, не перебивая, пока конюх доберется до сути. Стоит его перебить, и он начнет путаться и не сможет рассказать то, что и хотел бы. Работник он был хороший, но как рассказчик никакой, двух слов вместе связать не мог. Но вот лошади его понимали сразу. Он что-то промычит, буркнет, и они слушаются, выполняют все его команды.

– Вот, значит, вышел я за дровами, а мне навстречу идет ваша племянница. Шла-шла и пропала. – Он шмыгнул носом и замолчал.

Овор почесал небритую щеку.

– Как она пропала, Гринжа? – Он не мог понять до конца, что тот имел в виду, говоря «шла-шла и пропала».

– Не знаю, ваша милость, только пропала, и все, была – и ее не стало.

– Гресса Ильридана, может, вы поясните мне, о чем идет речь? – обратился он к начальнику своей охраны.

– Тан Гринжа, как пропала Вирона, искал ее на том месте, где она исчезла, и, не найдя, рассказал обо всем своей жене Маргуне, та прибежала в караулку и сообщила охране, ребята искали девушку по всему поместью и, не найдя, позвали меня. Я проверила все, что можно, Вироны в поместье нет. – Она посмотрела в глаза Овора и ответила на легко читаемый в них вопрос: – Трактир мы тоже проверили и дорогу к нему, два раза.

– А остальные девушки на месте? – с тревогой спросил он.

– Не только девушки, тан, остальные обитатели поместья все на месте, и никто Вирону не видел со вчерашнего дня. Но я знаю, что она просидела у себя в комнате, дождалась отъезда Ирридара с невестой и только вечером вышла прогуляться. Вот во время прогулки она и исчезла.

– Фому видела? – спросил Овор.

– Нет, он еще не появлялся, я усилила посты и установила дополнительное дежурство. Всех предупредила, чтобы по двору бесцельно не бродили. Нас атаквали, тан Овор, и Вирону скорее всего похитили.

– Или она решила спустить пар и погулять одна, – предположил Овор. – У нее есть возможность скрываться с глаз. Приезд Ирри и появление его невесты она восприняла болезненно. Подождем пару дней, если Рона не появится, сообщим Ирридару. Но твои действия правильные, поступай так и дальше. Проверяйте всех несколько раз по кругу, если еще кто-то пропадет, значит, это происки врагов. Но будем надеяться, что это только всплеск ревности, и когда он поутихнет, то она вернется.

– У меня тоже всплеск ревности, но я-то на месте, – проворчала Ильридана и посмотрела на конюха. – Все понял?

– Чего? – удивленно переспросил он.

– Коней перепроверяй несколько раз по кругу, – ругнулась всегда уравновешенная дзирда и, недовольно взглянув на Овора, пошла прочь.

– А чего их проверять? – нахлобучив шапку и сдвинув ее на лоб, ответил ей вслед Гринжа. – Я их, лошадок, за лигу чую.

Королевство Вангор. Пригород столицы

В придорожный трактир вошел человек в сопровождении охранника. По одежде он походил на купца средней руки. Добротный шерстяной камзол, крепкий, без украшений, пригодный для дальних путешествий. Под ним угадывалась кольчуга тонкого плетения. Такой же плащ, подбитый мехом белки, и высокие сапоги с отворотами. Купец стряхнул снег со шляпы и огляделся. В трактире было не очень много народу. Семеро наемников, пара захудалых аристократов, которым не хватало средств на более дорогой трактир с залом для благородных и они коротали время и отогревались вместе с остальными, да трое таких же купцов, как и он. Потопав ногами, сбивая с сапог налипший мокрый снег, он прошел к одному из свободных столов и уселся спиной к двери. Охранник сел напротив, внимательно наблюдая за входом в трактир и залом. Сонный подавальщик неспешно подошел к этим двоим и, прикрывая ладонью зевок, спросил:

– Что заказывать будете?

– Что-нибудь горячее, мясо и подогретое вино, – не задумываясь ответил купец. Он зябко потер руки и добавил: – Сначала вино неси.

В зале было тепло и немного душно, пахло едой вперемешку с кислым запахом мокрой кожи. Купец, согревшись, развалился на стуле, единственной роскоши в этом трактире. На посетителей он не обращал внимания. Охранник тоже успокоился и перестал зыркать по столам. Им принесли подогретое вино, и оба с наслаждением уткнулись в кружки. Трое купцов поднялись и, негромко переговариваясь, направились на выход. У самой двери резко развернулись, выхватили маленькие арбалеты, направили их на купца и охранника, но больше ничего сделать не успели. Они застыли, потом повалились на пол. Наемники поднялись, у двоих в руках были странные, недлинные, сантиметров двадцать, палки. Хозяин трактира и подавальщик, увидев, как стали развиваться события, шмыгнули в дверь за стойкой и скрылись. Купец поднялся и подошел к лежащей у входной двери тройце.

– Ну вот, первая рыбка на крючок попалась. Забирайте их и увозите. – Он оглядел зал и увидел еще одного мужчину, сидевшего за столом в уголке, тот сжался и старался быть незаметным. – Этого тоже забирайте.

Двое из отряда наемников направились к неподвижно сидевшему мужчине. Тот вдруг нырнул под стол и опрокинул его, а к ногам воинов покатился шар.

– Огненная бомба! – заорал один из них и бросился на пол, но было поздно.

Яркая вспышка озарила трактир. Прозвучал оглушительный взрыв, разрывая ушные перепонки, дым заволок зал. Вспыхнул пожар, отсекая метателя бомбы от наемников, и все, кто остался жив, бросились вон из трактира. Алхимическая огненная бомба не знала преград и пожирала все, что ей попадалось. От ее жара плавилось железо, и если не успеть, то можно было запросто сгореть. Кроме того, дым, который выделялся при горении, забивал дыхание, был вонюч и ядовит.

Купец и четверо наемников успели выскочить сами и вытащить троих обездвиженных стрелков. Они оттащили тела подальше и подождали, когда к ним подъехала закрытая со всех сторон повозка. Загрузили тела и быстро погнали коней в сторону столицы. Трактир пылал вовсю, языки пламени показались из окон и охватили ставни. К зимнему небу поднимался столбом густой дым. Из-за конюшни выглянул человек в обгорелой одежде и пристально посмотрел вслед быстро удаляющейся повозке. Волос на его голове не было, обожженный череп покрылся волдырями. Человек взял пригоршню снега и приложил к голове. Затем вывел лошадь из конюшни, выпустил остальных ржущих в страхе животных, запрыгнул в седло и, крикнув: «Хой-хей!» – пришпорил своего коня и унесся в противоположную от удаляющейся повозки сторону.

Советник своими блеклыми невыразительными глазами смотрел на Искоряющего. Он выслушал доклад и повторял вслух услышанное, стараясь отложить в уме и понять.

– Значит, вы захватили троих из братства. Четвертый устроил пожар и в плен не сдался. Вы потеряли троих при захвате и уверены, что поджигатель тоже сгорел.

Он задумчиво побарабанил пальцами правой руки по столу, его взгляд остекленел, но через несколько мгновений к нему вернулась осмысленность.

– Ну что же, вполне возможно. Вероятность такого исхода – девяносто пять процентов с сотыми. Это если у него не было амулета защиты от огня, а он, скорее всего, у метателя был. Не надо его считать идиотом. Братство уже показало, что оно умеет отвечать на вызовы. Так что пока будем считать, что он жив. Продолжайте операцию, шире охватите трактиры в пригороде и в самой столице. Если он жив, то они затаятся и будут действовать по запасному плану, а он у них есть. Обязательно должен быть. Но учитывайте, это не спецслужбы, это наемники. И вариантов у них не так много. Поставьте аналитикам задачу оценить их дальнейшие возможные действия и позовите ко мне герра Веймара.

После ухода посетителя советник прикрыл глаза и дал волю чувствам.

«Идиот! Он считает, что поджигатель погиб! – мысленно простонал он. – Нет, они точно разучились работать. Их надо проредить, показательно наказать и вызвать новых специалистов, пусть свежие мозги придадут импульс организации. А казни заставят думать остальных».

Провинция Азанар. Город Азанар

В кабинете ректора академии мессира Кронвальда внезапно появился Гронд, он возник из воздуха в своем любимом кресле и с обидой уставился на мессира. Тот сидел за своим столом и попивал любимое ими вино из высокого бокала.

– Один, значит, пьянствуешь! – произнес Гронд.

Ректор от неожиданности поперхнулся, вино попало не в то горло, и он, широко раскрыв глаза, закашлялся. Гронд встал и похлопал его по спине.

– Вот видишь, как вредно пить одному, старина. Поверь мне, это до добра не доведет.

Мессир сначала стал красным, потом немного посинел и, потрясая кулаком, силился что-то сказать. Но у него выходило только кашлять. Наконец он мог вздохнуть, и слезы выступили у него на глазах.

– Старый пень, чтоб ты окошел где-нибудь! Разве можно так пугать? – с трудом просипел магистр и приложил платок к глазам, вытирая навернувшиеся слезы.

– Если бы ты не жадничал, а угостил благословенной лозой и меня, своего друга, то не пришлось бы страдать. Тем более что есть повод, – тихо посмеиваясь, ответил Гронд.

– Какой повод, старый? Я согреться хотел. – Мессир бросил быстрый взгляд на своего начальника службы безопасности.

– Повод отметить подвиги нашего нехейца, господин ректор. – Гронд достал свиток и с ожиданием уставился на ректора.

Тот перевел взгляд на свиток:

– Это что?

– Это описание семи подвигов барона Ирридара тан Аббаи Тох Рангора, – торжественно произнес Гронд и уставился на бутылку.

Мессир проследил за его взглядом. Понимая, что Гронд начнет говорить только после того, как ему нальют вина, вздохнул, и в этом вздохе явственно проскочило сожаление. Гронд даже глазом не моргнул. Такое вино было только у Кронвальда, и привозили его с острова магов, которые жили посреди Моря слез. Его не было даже у короля. Мессир вынул из шкафа еще один бокал и налил вино. Молча пододвинул другу. Гронд взял бокал, понюхал и блаженно прикрыл глаза.

– Ах, какой изумительный вкус у этого божественного напитка... – проговорил он и сделал маленький глоток. Покатал вино во рту и сглотнул. – Божественно! Теперь можно зачитывать подвиги. – Он развернул свиток. – «От агента тайной стражи без позывного, посланного на смерть ректором академии и его поделщиком мастером Грондом. Донос».

– Что он написал? Донос? – приподнял лохматые брови ректор.

– Так точно, господин ректор, донос. Я продолжу?

– А куда мы его послали? На смерть? – Ректор удивленно посмотрел на друга. – А ты поделщик, значит!

Гронд кивнул.

– Читать?

Мессир махнул рукой:

– Читай.

Гронд уткнулся в свиток и продолжил:

– «Я прибыл согласно заданию в славный город Бродомир и поступил в распоряжение великого мастера-артефактора всех времен и народов магистра Луминьяна (по совместительству тоже агент тайной стражи), он стал моим куратором и дал задание внедриться в орочью среду. Но перед этим испытал меня, заставив перемыть всю алхимическую посуду. С этим заданием я справился успешно и пошел выполнять второе».

– Это какой Луминьян? Идриш, что ли?

Гронд прервался и молча кивнул.

– Надо же, мастер-артефактор всех времен и народов... Он учился на курс младше меня и чистил сапоги нынешнему ректору Вангорской академии, – хмыкнул мессир ректор. – Читай дальше, очень интересно.

Гронд снова опустил глаза на свиток.

– «Первый подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я должен был внедриться в род Гремучих Змей, это было трудно, и мне сразу сказали, что это невозможно. Мне сказали, что меня специально послали на смерть, чтобы присвоить себе мой оклад тайного стражника. Подтверждением этого является то, что я его так и не получил. Задание я успешно выполнил, и Гремучие Змеи приняли меня в свой род».

– Я до сих пор не понимаю, как это у него получилось? – проговорил ректор.

– Если бы ты полизал сиську орчанки, тоже бы вступил в род, – ответил безопасник и уже с раздражением спросил: – Ты до конца слушать будешь, не перебивая?

Мессир Кронвальд промолчал и только пожал плечами.

– «Второй подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Мне было дано задание добиться расположения муразы сивучей, что я и сделал, и был приглашен на пир. Там меня выкрали и хотели отрубить руки и ноги. Но мне было знамение повергателя драконов принца Азанара. Он явил чудо и унес меня в неведомую страну Лилипутию. Там все люди маленькие, мне по пояс. Я был представлен их королю и передал от Его Величества Меехира Девятого добрые пожелания на словах, в ответ через меня передали такие же добрые пожелания нашему благословенному монарху, многие ему лета, и руны в качестве подарка. Руна волшебная, ее можно вставить в любой предмет, и она придаст силу тому, кто будет владеть этим предметом».

Ректор уставился на Гронда.

– У меня тоже есть руна, она досталась мне в молодости на раскопках в заброшенных городах дворфов. Но я не знаю ничего о ее свойствах. – Он залез в свой шкаф, вытащил маленькую бляшку и показал Гронду. – Вот.

– Ты хочешь сказать, что он пишет правду? – спросил старик, несколько сбитый с толку.

– Не знаю. Но откуда у него руна, не нашел же он ее? Я о таких случаях не слышал. Вот эта руна одна из трех, о которых вообще известно. Одна у меня, одна в академии Вангора, и одна у магов на острове.

– М-да, – неопределенно произнес Гронд. – Но слушай дальше. «В этой стране летают большие птицы, такие, что могут поднять человека. Они подхватили меня и перенесли в степь. Третий подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я попал в руки свидетелей Худжгарха, и они сохранили мне жизнь, посчитав самым Худжгархом».

– Вот наглец! – хмыкнул ректор. – Самим Худжгархом. Почему не великим ханом? Герой!

Гронд оторвался от чтения сделал глоток вина и сказал:

– Это мелочи, ты слушай дальше. «Четвертый подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я прибыл в ставку великого хана, он болел. И его не могли вылечить шаманы. Я, используя знания, полученные в Академии магии Азанара, да продлятся годы ректора академии мессира Кронвальда и да отберут у него жалованье, как у меня, его вылечил, по указанию магистра Луминьяна».

– Я вот не пойму, – перебил Гронда Кронвальд, – парень вымысел мешает с правдой? Если так, то для чего? Да еще написано в такой манере... – Он замолчал, подбирая слово.

– Нет, Крон, думаю, парень написал правду, а манера такая оттого, что он над нами решил поиздеваться, ведь это мы его отправили в степь, откуда он вернулся и попал в тюрьму.

Мессир скептически посмотрел на друга:

– И Лилипутия тоже правда? И орлы, перенесшие его обратно в степь? И принц Азанар?

– Я и не такие донесения читал, – усмехнулся Гронд. – Мальчик еще поскромничал. Пока он пишет в русле нашей легенды, что мы для него придумали. А проверить, были орлы или нет, мы не можем, так же как и явление Азанара. Но у него есть руна, а это неоспоримое доказательство. Вот так-то. Дальше читать? – Он посмотрел на ректора.

– Давай дочитывай, – махнул рукой мессир.

– «Пятый подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я дрался вместе с правой рукой великого хана против восставших орд кочевников и за смелость и храбрость был удостоен сесть по левую руку от великого хана. Это был шестой подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Седьмой подвиг я совершил вместе с графом Саккарти, мы добились мира для Вангора. Все.

Постскриптум. Меня по прибытии посадили в тюрьму, наверное, по навету тех, кто зажил мое жалованье. Но милостью богов и великодушием Его Величества Меехира Девятого я был выпущен на свободу. Барон Ирридар тан Аббаи Тох Рангор».

– А чего он за жалованье уцепился? – спросил архимаг. – Ты ему не выплатил его?

– А ему никто и не начислял, думали, он будет благодарен за свободу.

– Кто, молодой Аббаи? – усмехнулся ректор. – Ты вспомни, как он три шкуры драл со всех, кто его задел. Теперь понятно, почему он прислал такое донесение. Он, можно сказать, из кожи лез, подвиги совершал. А его заставили вступить в стражу и не выплатили жалованье. На тебя, Гро, это не похоже.

– Так кто же думал тогда об этом, вопрос стоял, как спасти парня. А он возмутился, раз приняли в стражники и он выполнял особое задание, так сразу с порога – дайте жалованье. Ни «здравствуй» мне, ни тебе «спасибо».

Ректор крикнул через дверь:

– Луцис, вызовите ко мне студента Аббаи, и срочно!

Я раздумывал над сообщением Борта, который передал мне его через переговорный амулет. Такой амулет действовал на короткие расстояния, от забора академии и до моей комнаты, и при этом жрал уйму энергии. Мог передать пару предложений, и все. Что с Вироной могло приключиться? Если бы кто-то появился вблизи поместья, то Фома точно бы об этом знал. Вышла погулять и исчезла прямо со двора. Психует, подумал я. Она очень негативно и резко восприняла информацию о невесте. Как будто я ее собственность. В постель я ее не ташил,

сама запрыгнула. И что, это дает ей право предъявлять на меня свои права? Небось надела скафандр и пошла нервы успокаивать. Отсюда и внезапность, с которой она исчезла.

Прикинув и так и этак, я решил не спешить спасать Вирону. С нее станется устроить свое похищение, как-никак у Овора училась. Артистка. Я опять попал в ситуацию, когда не понимал до конца женщин. От чего отталкиваться для понимания логики Вироны? От того, что она собственница? Как собака на сене. Сама не ам и другому не дам. Ведь хорошо понимает, что ее отсюда заберут и она навсегда исчезнет из моей жизни. А я, если появлюсь в открытом мире, то буду обходить ее десятой дорогой. Мне внимание АДа никоим образом не нужно. Нет, у ревнивых баб просто нет логики, пришел я к выводу и стал собираться в академию.

Хочу сделать для вассалов сюрприз. Они придут в столовую, а там я сижу. От мыслей о своих бездарях мне стало тепло на душе. Я умылся, привел себя в порядок, сбрил щетину и надел синюю мантию. Уже не помню, когда ее надевал в последний раз. Не успел я покрутиться перед зеркалом, как в дверь постучали и, не спрашивая разрешения, вошли два стражника. Я всегда удивлялся, откуда они берутся. Ни разу я их не видел в академии, когда все спокойно. Но стоило произойти какому-нибудь мало-мальскому происшествию, и они сразу же тут как тут.

Я уставился на них самым суровым взглядом, на какой только был способен, но им мое недовольство было абсолютно безразлично. Можно сказать, до лампочки.

– Тан Аббаи, вас вызывает господин ректор. Следуйте за нами, – проговорил, по-видимому, старший из них двоих.

Ага, сейчас! Буду я идти под охраной двух лбов! Хватит, нагулялся в Бродомире.

– Это что, арест? – приподняв брови, посмотрел я на них.

– Нет, господин студент, просто вызов к господину ректору, – спокойно ответил тот же стражник.

– Ну, тогда не смею вас задерживать. Я сам дойду.

– Это невозможно, тан, у нас приказ вас сопроводить, – монотонно и раздражающе проговорил стражник.

– От кого исходил приказ? – спросил я, понимая, что эти два служаки будут гнуть свою линию, пока их не убьют или они не добьются своего. Но идти с ними я не хотел, опять могут начаться пересуды и ненужные вопросы, за что и почему. Я тан, я барон, аристократ, в конце концов. А не просто студент и сын барона. Надо расставить все на свои места, подумал я.

– От секретаря господина ректора, рена Луциса, – ответил стражник. Он стоял как столп правосудия и его карающий меч, и ничто не могло поколебать его решимости выполнить приказ.

Я прекратил спорить и согласно кивнул, показывая, что понял. Сказал:

– Сейчас вернусь, подождите, – зашел в коридор и вышел через внутренний двор, телепортировался к крыльцу центрального входа и уже оттуда спокойно поднялся наверх. В приемной, где сидел секретарь Луцис, я задержался.

– Господин секретарь! – Голос мой был полон надменности и высокомерия. – Хочу вас предупредить, что я не просто студент или сын барона. Я являюсь единственным бароном среди студентов. Мое полное имя барон Ирридар тан Аббаи Тох Рангор. И если вы еще раз пошлете за мной стражу, я вызову вас на поединок и убью!

И, больше не обращая внимания на остоленевшего Луциса, прошел в кабинет. Там находились два старых интригана, которые без зазрения совести используют меня повсеместно в своих целях. Я им, честно сказать, перестал доверять.

– Добрый день, господа! – поклонился я поклоном Овора. – Мне сообщили, что вы, господин ректор, хотели меня видеть. – И, не дожидаясь ответа, спросил: – Вы разрешите присесть?

Ректор хотел что-то сказать, но своим вопросом я опередил его и сбил ему настрой. Он слышал из-за дверей, что я считаю себя полноправным бароном, и это уже другой статус в наших взаимоотношениях. Отказать мне он не мог. Поэтому, стоя за столом, показал рукой на свободное кресло и выдавил из-под густой бороды:

– Присаживайтесь, барон.

– Благодарю, господин ректор. По правде, я очень устал в дороге, и мне не хотелось бы отнимать у вас драгоценное время. Так чему я обязан вашим приглашением? – сделал я упор на последнее слово и повел разговор в нужном мне русле. Неожиданно для самого себя я не почувствовал раздвоения. В этой ситуации нехеец и русский нашли взаимопонимание и действовали заодно. Надо будет это проанализировать, сделал я себе зарубку на память.

Гронд, сидя в кресле, в разговоре не участвовал, а только захекал, пытаясь за кашлем скрыть смех.

Мессир Кронвальд спохватился, что я сижу, а он продолжает стоять, и тоже сел, недовольно зыркнув в сторону Гронда.

– Не много ли на себя берете, барон? – хмуро спросил ректор. – Ваше баронство еще нужно утвердить у его величества. А угрожать моему секретарю – это верх наглости.

– Не нужно, господин ректор, – парировал я. И нагло уставился на него.

– Чего не нужно? – не понял он.

– Не нужно ничего подтверждать, господин ректор, достаточно того, что у меня есть те, кто принят мной в мой новый род Тох Рангор.

– И кто же это? – язвительно спросил архимаг, с усмешкой смотря на меня.

– Небесная невеста орков, Ганга Тох Рангор из рода Гремучих Змей, и этот род орков признает мое баронство. Снежный эльфяр Гради-ил из дома Высокой обители. Этого вам достаточно?

Архимаг замер с открытым ртом. Род, полноправными членами которого являются представители разных народов, имеет широкий иммунитет. За него вступятся и орки, и снежные эльфяры. Я не знал, какое положение занимал дом Высокой обители в иерархии снежных эльфяров, но то, что род, в котором состояли верховный шаман и правая рука верховного вождя, ввел своего высокого представителя в мой род, делало меня несомненным фаворитом среди других баронов. И не важно, что род существовал меньше месяца. По традициям всех народов, населяющих Сивиллу, этот род был отмечен Творцом. Таких были единицы. И это было в далеком прошлом.

Мессир Кронвальд с недоверием уставился на меня, хотя он видел, что я не вру, но в его взгляде было еще что-то, вроде бы как мелькнул испуг и тут же пропал.

И тут меня озарило. Ну как же я мог забыть, ведь Ганга была не только из рода Гремучих Змей, она представляла всех орков. Я с улыбкой акулы, готовой сожрать пловца, поглядел на архимага, попавшего в сети собственного недоверия. Архимаг поморгал и, изобразив улыбку, примиряюще проговорил:

– Думаю, господин барон, вам не стоит сердиться на Луциса, ведь, в конце концов, он выполнял мои распоряжения. А я со своей стороны приношу вам свои извинения. Вам этого достаточно?

– Более чем, господин архимаг. – Не вставая, я изобразил легкий полупоклон, показывая этим, что удовлетворен.

– Кро, не забывай, – произнес Гронд, до этого момента молчавший, – с бароном играть в карты бесполезно, он их видит и имеет всегда дополнительные козыри. – Мы вас, юноша, пригласили для того, чтобы вы дали нам пояснения по поводу вашего доноса.

– А что не так? – спросил я.

– Ну хотя бы начало. Вы написали донос, звучит как-то... некрасиво. Вы на кого хотели донести?

– Не на кого, а что донести, – поправил его я.

– Хм, – произнес в нос Гронд, – тогда надо было написать не «донос», а «донесение». Так было бы правильнее. А так начало говорит об обратном, якобы мы с мессиром ректором послали вас на смерть. А меня вы просто обозвали подельником, как бандита, некрасиво это. – Он спокойно посмотрел на меня. При этом похлопывая ладонью по столу, пытаюсь отвлечь меня, но я этот прием тоже знал.

– Некрасиво молодого несовершеннолетнего отправлять в степь, где повсюду подстерегают опасности. Не находите?

– Не нахожу, – спокойно ответил Гронд. – Вы в Гиблые земли ходили?

– Ну ходил. А при чем тут это? Я ходил с отрядом, не сам.

– В степь вы тоже пошли не сами, а с отрядом, в подчинении магистра. Вот и мыли бы себе алхимическую посуду. Кто вас заставлял идти в кабак и лизать сисю шаманке?

– Я вам скажу, мастер, и вы это хорошо знаете: это называется молодость.

– Вы уже знаете больше, чем преподают на первом курсе, поэтому мы дали вам редчайшую возможность посмотреть мир и проявить себя, а не киснуть в стенах академии, – спокойно пояснил ректор. – У вас энергия брызжет через край, для академии это бывает опасно. Вот вы и проявили себя, в Лилипутии побывали, руны привезли. Не покажете ли ее нам?

Я молча достал руны силы и положил на стол перед ректором. Он хищно наклонился над ней и жадно стал рассматривать.

– Точно такая же, только рисунок другой, – наконец произнес он. – Скажите честно, где вы ее взяли? – Он посмотрел на меня.

Понимая, что мне все равно не поверят, что я был за семью морями, сказал первое, что пришло в голову:

– Речной демон принес – крула. Она достала сундук из реки, в нем был кошелёк с деньгами и эта руна с описанием. Описание рассыпалось, а остальные цапки я подарил магистру Луминьяну.

– Что вы ему подарили? – переспросил Гронд.

Я видел, что обобщенная характеристика предметов, переданных в дар «куратору», не нашла понимания у мастера, да и у мессира тоже.

– Книги, жезл и еще что-то, я не вникал особо, увидел, что вещи мага, и отдал ему.

– Вот идриш старый, – покачал головой Гронд, – а мне об этом не сказал.

– Так вы знаете, как ею пользоваться? – Мессир весь извертелся. Ему так хотелось побыстрее узнать тайну, недоступную много лет, что он не в силах был сдержаться.

– Знаю, господин ректор, но это дар королю.

Мессир Кронвальд только хмыкнул:

– Такие подарки королю не дарят, юноша. Вас посчитают губителем или отравителем. Подарить его величеству вещь с неизвестными свойствами – это чревато пытками и дыбой.

– Как это, с неизвестными? – удивленно посмотрел я на ректора. – Я знаю, что там за свойства.

– Только вы? – снисходительно улыбнулся он. – А если на другой день его монаршая особа не так пукнет или, не дай предки, споткнется? Вы знаете, что с вами сделают?

Он насмеялся над моей неопытностью и, слава богу, предупредил. Я сообразил, как могут повернуть мой подарок мои «доброжелатели», поэтому ответил:

– Я понял вас, мессир, благодарю, – и стал убирать руны в сумку.

Но ректор очень живо накрыл мою руку своей, не давая убрать руны.

– Но этот подарок могу сделать я и сообщить его величеству, что его нашли вы. – Он прижал мою руку к столу.

– Не надо, мессир, уж лучше она будет у меня, я не хочу, чтобы из-за неудачного пука его величества или произведенного не в той тональности, у нас поменялся ректор.

Но ректор не отпускал мою руку.

– Спасибо, конечно, что вы, барон, беспокоитесь о моем благополучии, но мне ничто не угрожает. Я готов купить у вас руну. Сколько вы за нее хотите?

Я задумался и, улыбнувшись самой доброжелательной улыбкой, какую только смог натянуть на лицо, вскоре сказал:

– Для вас, господин ректор, только сотня золотых монет.

Он удивленно поднял глаза, и я увидел по его взгляду, что сильно, очень сильно продешевил. Но я и не собирался драть за нее три шкуры.

Мессир быстро достал чековую книжку и выписал чек на сто золотых корон. Я убрал чек и оставил руну на столе.

– Если ко мне других вопросов нет, то я пойду. – Я оглядел этих двоих очень продуманных, хитромудрых стариков.

– Подожди, сынок, я хочу поговорить по поводу твоего жалованья. Оно тебе правда нужно?

– Нет, мастер, оно не нужно для жизни, оно нужно для другого. Тут только дело принципа. Тот, кто работает бесплатно, того считают дурнем. Я не хочу, чтобы меня таковым считали.хлопот слишком много потом.

– Понятно, – спокойно кивнул Гронд. – На премию согласишься?

– Сколько?

– Ну, учитывая твой вклад в успех посольства и ожидаемую награду, то тысяча золотых корон будет в самый раз для стажера.

– Согласен.

– И я перепишу твой донос, надеюсь, ты не будешь возражать?

– Не буду.

– Тогда у меня все, – сказал Гронд и, потеряв ко мне всякий интерес, взял бокал вина, стоявший перед ним, и пригубил.

Я встал и раскланялся:

– Счастливого оставаться, господа.

– Постойте, Аббаи, – остановил меня ректор. – Вы не рассказали, как пользоваться руной! – Он, нахмурившись, смотрел на меня.

– А мы об этом и не договаривались, мессир. – Я тоже сделал удивленное лицо и прямо посмотрел в его суровые глаза. – Или я что-то путаю?

– Нет... но вы написали, что знаете, как ею воспользоваться, и подтвердили это устно.

– Не стану отказываться, господин ректор. Я действительно знаю, как ею пользоваться. Но эти знания стоят денег, или тот, кому я расскажу, будет мне должен услугу.

Хмурое лицо ректора стало растерянным.

– Он нас опять провел, Кро, – сказал Гронд очень спокойно. – Лучше заплати, я бы никогда не согласился быть его должником.

Опередить моих вассалов я не успел и вошел в столовую, когда все уже доедали свой завтрак. Сама столовая была большой и напоминала мне нашу армейскую при управлении полка. В ней помещалось около трехсот студентов. У самого выхода сидели выпускники, затем «второклашки», и в самом конце сидел первый курс.

Когда я вошел в столовую, на меня не обратили никакого внимания. Да и зачем обращать внимание на первокурсника. Старшим курсам строжайше запрещали вмешиваться в жизнь младших. Это было чревато большими неприятностями. У себя на курсе позволялось многое, но младших не тронь, и за этим строго следили. Разговор с такими был короткий. Хорошо, если отчислят, а если еще и осудят за нарушение эдикта самого короля, то репутация безнадежно испорчена. Это было гораздо хуже. Клеймо неблагонадежного сохранялось на всю жизнь, авто-

матически лишая возможности сделать карьеру и добиться положения. Так что своим будущим никто не хотел рисковать. Только девушкам позволялось участвовать в поединках, а вот с чем это было связано, я не знал, хотя догадки на этот счет имелись. Сделать, например, их более агрессивными, как-никак боевые маги.

Я взял деревянный поднос, получил свою порцию каши, булочку и цвар и пошел к своим. Проходя мимо снежных эльфаров, раскланялся, подмечая не без удовольствия удивление на их лицах. Стараясь не смотреть на Тору, которая, поднеся кружку к губам, застыла, уставившись на меня, я под прицелом десятка пар глаз прошел к нашему столу. Как-то так получилось, что мы с самого начала разместились рядом. Парни, мои вассалы, сидели ко мне спиной, а девочки лицом. Первой меня увидела малышка Мия. Она так же широко, как и эльфари, раскрыла глаза и, на секунду затаив дыхание, не веря своим глазам, смотрела на меня. Но в следующий момент меня увидели остальные. Визг похлеще чем у циркулярной пилы огласил обеденный зал. Девочки вскочили и бросились ко мне. Понимая, что так я останусь без завтрака, я коротким телепортом ушел за стол на их место и поставил поднос.

– Ваша милость? – еле слышно выговорил ошарашенный Штоф, не веря, что милорд собственной персоной почтил их своим присутствием.

Я возник у него перед глазами, как джинн из бутылки. А девочки словно наткнулись на стену, потеряв меня из виду. Они остановились и растерянно оглянулись. Но, увидев меня рядом со своим столом, не задумываясь, как это я так там оказался, снова огласили зал визгом и бросились обратно. Через пару секунд я напоминал то ли елку, на которую навесили игрушки, то ли гроздь винограда. На мне висели все, кто смог дотянуться. Я безропотно сносил изъяснения восторга моих товарищей, как щенок или котенок, которого тискали, гладили, теребили заботливые хозяева и их дети. Не хватало еще только услышать «уси-пуси».

Наконец первая волна радости улеглась, и мне дали сесть и даже взять в руку ложку. Потом посыпались вопросы. А когда вы, милорд, приехали? А как повзрослел, и щетина появилась! А как там в степи? А орков вы видели? А как загорел, прямо черный! А красивый какой! Все это вперемешку, общим гвалтом навалилось на меня, я не успевал отвечать и только улыбался.

– Что вы пристали, дайте милорду поесть, не видите, он исхудал совсем, – рыкнул Штоф, и все тут же замолчали.

Я благодарно посмотрел на него и принялся за кашу. В отличие от остальных аристократов, избалованных изысками у себя дома, я ел пищу, приготовленную в столовой, с аппетитом. Каша была обильно сдобрена маслом, и рядом лежал большой кусок хорошо тушеного мяса с подливой. А что еще надо молодому растущему организму, божолу с марципанами? Как же. Ему нужны белки, жиры и углеводы.

– Чья очередь сегодня убирать у милорда? – тихо спросила Мия и заговорщически огляделась.

– Моя, – покраснев, ответила Эрна, – но я готова уступить, – поспешно добавила она, и ее щеки запылали еще ярче.

– Ну конечно, – прыснула Мегги, – у Аре-ила комната поменьше.

– Дура, – буркнула Эрна и отвернулась. – Мы просто дружим.

У меня что-то екнуло, я бросил на нее быстрый взгляд, но постарался, чтобы мои слова прозвучали одобрительно:

– Вот и хорошо, дружите дальше. А в комнате у меня идеальный порядок, ни пылинки, спасибо, девочки, порадовали, так что убирать не надо.

– Надо, – решительно заявила Мия, – там всегда пыль собирается по углам. Я тебя, Эрна, заменю, и вообще, можешь не беспокоиться, я справлюсь одна. – И тут же, подпрыгнув, ойкнула, как будто ее кто-то ущипнул, и посмотрела на Мегги. – Ну не одна, конечно, а с Мегги.

В это время я уже пил цвар и заедал булочкой, мне было смешно, но приходилось прикрываться кружкой – девочки опять делили меня, не спрашивая моего мнения, причем уже в открытую, ни капельки не беспокоясь о своей репутации.

– А чего им беспокоиться, – проявилась Шиза, встряв в мои мысли. – Ты для них трамплин наверх, в высшие слои, лучше мужей им присмотри. У тебя же есть еще младший брат в горах. Его тоже через пару лет турнут. Я говорю не о всех, а о Мегги. Купи им баронство на границе со степью...

Я встряхнулся:

– Ты чего так далеко заглядываешь? И потом, мой брат младше ее на три года.

– Я посоветовала, а ты как знаешь. Предложи второму, но это будет труднее устроить.

Шиза снова пропала, а я услышал продолжение разговоров.

– ...Раз Эрна будет убирать у друга, то я буду вместо нее, – баском сказала Розина, и все с удивлением на нее посмотрели. Девушка она была статная, ростом с меня, с высокой грудью, нежными руками (мелькнула мысль: а откуда я это знаю?), с большими синими глазами и простодушным взглядом.

– Чего это ты? – рассердилась Мия.

А Розина совершенно невозмутимо посмотрела на маленькую Мию и спокойно предложила:

– Ну, если хочешь, приходи, поможешь.

Я не сдержался и хрюкнул. Цвар у меня изо рта опять попал в кружку. Парни тоже сидели, пытаюсь удержать улыбки.

А меня больше донимала мысль о другом. Значит, Эрна пристроилась к эльфару, не зря он ее в трактир приглашал, подумал я. И она не знает, как мне об этом сообщить, вон сидит вся пунцовая. Конечно, с одной стороны, это ее выбор, но с другой – девушка как-то быстро меняет постели, а в этом мире это не приветствуется. Да и эльфар после окончания учебы уедет и забудет ее. А забудет ли она его? Как сказала мне Шиза, мне еще надо будет их замуж выдавать. Надо будет с парнями переговорить, может, кто нравится им из девчонок. Я снова вернулся мыслями к Эрне. Она девушка продуманная и все раскладывает по полочкам. На сумасбродство с ее стороны не похоже. Я медленно допивал чай, размышляя над странной ситуацией. Не происки ли это Аре-ила? Может, он что-то ей наобещал, а она поверила. Придется с этим разбираться в ближайшее время. Я допил чай и поднялся.

– Пошли на занятия, – сказал я. – Вечером расскажу о походе к оркам и раздам подарки.

Уже поздно ночью, выпроводив всех гостей, я прилег отдохнуть и смог спокойно подумать. Причем двоих, Мию и Розину, пришлось практически выталкивать, и только мои слова, что я устал и хочу отдохнуть и мы еще займемся уборкой, позволили мне от них избавиться. Кое-что мне удалось выяснить, не задавая вопросов по существу. Оказывается, Эрна несколько раз после моего отъезда встречалась с Аре-илом в трактире, а после и вообще зацепилась за него. Это со смешками и намеками рассказывали ребята, к немалому смущению Эрны. Со мной она поговорить не спешила, я тоже ее не торопил. Пусть созреет в своем решении. У меня сложилось впечатление, что она влюбилась. Может быть, знаки внимания приняла за что-то серьезное, может, еще что, но ее на эльфаре «переклинило». Я знал, что и лесные, и снежные эльфары имеют человеческих любовниц. И дамы благородного сословия с ума по ним сходят, что уж говорить о простых девушках. Чем это могло грозить мне, я не знал, но лояльность одного из вассалов была под вопросом.

Кроме того, меня занимали источники средств существования. Трактир приносил доход, но его тратил дядька. Мастерская приносила деньги Кувалде, и моя доля шла на организацию шпионской сети. Деньги от продажи эликсиров я сам отдал дриаде. Оставался только трактир «Жемчужина юга». Конечно, Изя наладил работу, но этого было мало. Трактир для небогатых приносил небогатые доходы, и у меня давно родился план сделать его успешным заведением.

Когда-то я смотрел видео про «Мулен руж» и был восхищен. А что, если набрать танцовщиц из циркачек, их тут много ездит с представлениями, какого-нибудь хореографа и устроить для богатых господ и дам этакий закрытый модный салон. Плюс к этому омолаживающие ванны. Тогда это совсем другие поступления. Кроме того, можно собирать слухи, сплетни и информацию. Да, дело стоящее, согласился я сам с собой. Вот только как это раскрутить? Тут нужна хорошая реклама.

– Шиза, может, что подскажешь? – спросил я.

– Приходи сегодня в гости, и я помогу чем могу, – ответила она и скрылась.

– Как я туда попаду? Руки-ноги отрубать опять? – проворчал я.

– Не надо калечить себя, просто скажи, что ночью, как уснешь, то придешь, – прозвучало у меня в голове и раздался счастливый смех.

– Хорошо. Усну и приду, – проговорил я и зевнул. Еще раз зевнул, чуть скулу не вывернул, и отрубился.

Но в забытии я пребывал недолго. Открыв глаза, увидел, что стою у входа в большой белый дом, даже, пожалуй, это был не дом, а вилла. С любопытством оглянулся. За моей спиной был парк с клумбами, аккуратно подстриженными кустами и деревьями. Я повернулся и уставился на орка в ливрее и белых перчатках, он слегка поклонился, отступил, открыл двери и проговорил:

– Прошу вас, милорд. – И так в полупоклоне остался стоять.

Я осмотрел себя и увидел, что костюм на мне точно такой же, в каком я разгуливал по станции, «срисовав» его с «пальцеда». Пришлось соответствовать и вилле, и костюму, и даже орку в ливрее. Я выпрямил спину и уже было прошел в дом, как меня озарило.

– Твою дивизию! – негромко ругнулся я и под удивленным взглядом орка бросился в парк.

Там без всякого стеснения стал рвать цветы с первой же клумбы, что мне попала. Составив яркий букет, поправил пиджак и повернулся. Напротив меня стояла шатенка в длинном вечернем платье, на открытых плечах меховое манто, а может, и не манто, а короткая накидка, я в этом деле не специалист. На изящной шее висела тонкая золотая цепочка с небольшим кулоном. Она с легкой улыбкой смотрела на меня, а я топтался на траве клумбы и пыхтел, не зная, как себя повести. Наконец, понимая, что выгляжу полным дураком, я протянул ей букет и сказал:

– Вот, это тебе.

Она взяла букет, вдохнула аромат цветов и каким-то неповторимым чарующим голосом произнесла:

– Спасибо, конечно, за цветы. Но их можно было не рвать, а только пожелать, и букет тотчас был бы у тебя в руках.

Я перелез через невысокие, аккуратно под квадрат подрезанные кусты и встал рядом с ней.

– Знаете, княгиня, вы выглядите очаровательно.

– Насколько очаровательно? – спросила девушка и прикрылась цветами, оставив открытыми для обозрения только смеющиеся глаза.

Сейчас назвать ее Шизой у меня не поворачивался язык. Ну как такая красавица могла быть Шизой? Нефертити, Клеопатра, Таис Афинская, с кем ее можно сравнить? Я не знал. Запас моих знаний о красавицах мира был ограничен школьным курсом. И вот это чудо живет в моей душе и в моем теле.

– Ты просто... Ух! Четкая! – Я сделал рубящие движения ладонями перед собой.

Она рассмеялась. Потом спросила:

– Может, проводите даму в ее обитель, господин барон? – И подала мне руку.

Я взял ее осторожно, боясь повредить. Мои руки были огрубевшие, а ладони в мозолях. Даже тут я повторял себя полностью. Мы поднялись по белой мраморной лестнице и вошли в зал. В центре стоял накрытый стол на двоих, довольно длинный, и два стула с разных сторон. Она прошла к своему краю, и я, помня немного, что нужно делать, помог девушке сесть и придвинуть стул. Потом занял свое место. Между нами было метра два с половиной, хоть в настольный теннис играй. Что за дурацкие манеры у аристократов, подумал я, как тут общаться через стол с закусками?

– А где малыши и Лиан? – вежливо улыбаясь, начал я светский разговор.

Шатенка посмотрела на меня и несколько удивленно ответила:

– Мальчики спят, а дракон рыбу ловит.

– Рыбу? – изумленно переспросил я. – А где он ее нашел?

– А он в степи наловил мошек, а здесь из них сделал мальков и запустил их в пруд, теперь вот стал рыбаком.

Тем временем орк обошел нас по кругу, налил вина, а в тарелки положил разную закуску. Слева и справа от тарелки лежали вилки, ложки и ножи. С ума сойти, как можно с этим разобраться? Княгиня (а по-другому у меня язык не поворачивался ее назвать) заметила мои затруднения.

– Тебе рассказать, как пользоваться всем этим арсеналом?

Я даже вспотел от усердия, чтобы не выдать своей растерянности, а потом как обычно махнул рукой на все условности. Чего это я парюсь у самого себя в гостях?

– Зачем? Я человек культурный и знаю, что нож надо держать в правой руке. – Взял нож, посмотрел, что у меня на тарелке. А там лежала мясная копченая нарезка и веточка зелени. – А мясо в левой. – И совершенно спокойно, просто невозмутимо взял пальцами прозрачный кусок мяса и сунул в рот.

Внимательно слушавшая меня обворожительная девушка приподняла брови, когда мясо исчезло у меня во рту, а потом не выдержала и рассмеялась.

– Глухов, ты неисправим. Каждый раз я говорю себе, что уже изучила тебя, а ты заново преподносишь мне сюрпризы. Видел бы ты себя со стороны. – Она, продолжая довольно улыбаться, взяла бокал и спросила: – За что пьем?

Я вытер пальцы о салфетку и тоже поднял бокал.

– Первый тост за твой день рождения, спасибо, что пригласила. Оставайся такой же молодой и счастливой целую вечность!

Она пригубила и поставила бокал на стол.

– Так ты назначил мой день рождения? Спасибо, Витя, у меня никогда не было дня рождения.

– А почему Витя, а не Ирридар? – Я смотрел на нее, она на меня. – В последнее время я чувствую раздвоение. То я Глухов, то я Аббаи, – сказал я задумчиво. – Странное состояние, словно нас двое. Тебе кто больше нравится?

– Ты, Виктор, один. Вот кто сейчас сидит передо мной? – Она, не переставая улыбаться, смотрела на меня.

Я пожал плечами.

– Не знаю, я запутался. Я вообще не понимаю, где я, этот парк, этот дом и этот слуга. – Я посмотрел на стоящего столбом орка и отвел глаза.

– Ты – это дух Виктора Глухова. Все, что ты видишь вокруг, – это твое сознание. В нем ты можешь творить все, что захочешь. Ограничиваясь только своим воображением и количеством энергии. И вас не двое: ты один на два сознания. Сознание Ирридара было отсканировано, оцифровано и внедрено в тебя. Сам Ирридар ушел за грань. Твое ощущение раздвоения временное. Просто когда нужно принимать решение, первым включается сознание нехейца. Оно более молодое, подвижное, не ограниченное негативным опытом. Кроме того, парень был

способен мыслить быстро и видеть глубоко, тебе на это нужно время, вернее, твоему сознанию. У вас на Земле есть игра в шахматы, вот ты плохой игрок, если честно, а нехеец смог бы стать гроссмейстером. Это его сознание реагирует мгновенно и заставляет тебя поступить именно так, как нужно.

– Выходит, я живу, пользуюсь чужими мозгами и чужим сознанием. Словно паразит. – Я помрачнел от услышанного. Сам я тупой старый пенек и, если бы не Ирридар, давно бы загнулся в этом мире. В общем, я это не я, а бутерброд из двух сознаний. Такой вот двоедушный монстр.

Девушка поняла мои терзания.

– Ты не прав, Виктор. В твоём теле ты один, там есть твоё сознание и память мальчика, но воля только твоя. И только ты принимаешь решение. Твоя раздвоенность от боязни признать память Ирридара своей. Ты выставил барьер между сознанием юноши и собой. Отсюда и растут твои проблемы. Когда ты смиришься с тем, что его сознание – это часть твоего сознания, все пройдет.

– А как это сделать?

– Время, Виктор, на все нужно время.

Мы сидели и непринужденно обсуждали наши дела, я заметил, что такая форма общения мне нравится больше, чем когда я задаю ей вопросы наяву.

– Давай поговорим об Эрне, – предложила она. – Ты правильно заметил, что ее преданность под сомнением. Кроме того, я видела, что она не лжет, говоря про дружбу с Аре-илом. У нее нет к нему любовных чувств. Значит, тут замешан кто-то другой. Подумай, зачем понадобилось подбираться к тебе так открыто?

Я задумался.

– Ты хочешь сказать, что ее выставляют на всеобщее обозрение для отвода глаз, чтобы я сосредоточил свое внимание на ней. А кто-то в это время прячется у меня под боком, прикрываясь Эрной?

– Вполне возможно, это надо обязательно проверить. Живи, как будто ничего не случилось, делай вид, что все в порядке. Но поискать того, кто мог бы стать шпионом и затаиться до времени, нужно. Теперь что касается трактира. Твоя задумка не лишена смысла, но кто из аристократов пойдет в твоё заведение, если им управляет идриш?

Я вынужден был с ней согласиться. Действительно, пустая затея с Изей. Не выгонять же его.

– Что ты предлагаешь?

– Купи другой трактир и поставь над ним даму полусвета. Марк уже освоился в городе и может такую найти. Подтяни к этому делу Мию, объясни ей замысел. Пусть займется оформлением интерьеров и декорациями. Как все сделаете, отрепетируете программу, пригласи туда студентов-аристократов. Уж поверь мне, лучшей рекламы и представить трудно.

Тут она была права на все сто процентов. Я поднял бокал:

– За вас, княгиня! Я рад, что вы у меня есть.

Она подняла свой бокал:

– А я рада, что у меня есть ты, Виктор.

Столица королевства Вангор

В первый час пополудни городская стража оцепила площадь перед резиденцией ордена Искореняющих. Посреди площади разместили три столба, обложили их дровами и вязанками хвороста. Советник смотрел из окна на приготовления. За его спиной стоял мрачный Курт Веймар. Советник, не оборачиваясь, заговорил:

– Вы зря хмуритесь, герр Веймар. То, что я увидел здесь, произвело на меня двойственное впечатление. Надо отдать вам должное, вы неплохо справились с основной задачей, внед-

рились в этот мир, захватили власть в ордене. Не боитесь брать на себя ответственность. Это все похвально. Но вы проходите мимо мелочей. А это чревато последствиями. Например, как давно орден производил поимку и сожжение одержимых? – Он повернулся к координатору.

Тот пожал плечами.

– Вот. А я вам скажу: полтора года назад, – ответил советник, правильно расценив молчание координатора. – В народе шепчут, что орден только наживает богатство, а не ведет войну с демонами.

Веймар промолчал. Спорить с советником было опасно, кроме того, он понимал, что тот был прав. Орден сосредоточился на другом, и у Веймара просто не хватало времени и сил ухватить все сразу. Но главное, у него были совсем другие задачи.

– Мы это исправим, – продолжил советник. – Вы, как и прежде, займетесь координацией сети здесь, в Брисвиле и в Инферно. А главой ордена я поставлю герра Шнапса, у него прозвище Палач. – Советник прошел к столу и сел. – Присядьте, Веймар.

Голос советника был все такой же невыразительно-равнодушный, но Курт почувствовал, как в помещении похолодало. У него пробежал озноб по спине и выступил предательский холодный пот, который всегда появлялся, когда Курту было страшно. Противная капля скользнула вдоль позвоночника, за ней вторая и третья.

– Я не хочу, чтобы вы огорчились по поводу казни двух ваших подчиненных. Но это необходимая мера. Я говорю вам это один раз и больше не повторю. Для мотивации нужны два стимула: страх и возможность продвинуться. Вы это забыли. Отсюда небрежность и непродуманность планов ваших людей. Они не боятся последствий и не видят перспективы для себя.

Курт вспомнил, как вчера его и остальных пригласили в общий зал. Там в центре стоял маленький худой Искореняющий из прибывших вместе с советником. Перед ним на коленях стояли двое братьев из первых, с кем прибыл сюда Веймар. Теперь Курт знал, что это новый глава ордена по кличке Палач.

Палач зачитал приговор, и стоящих на коленях обездвижили станером, затем ввели сильнодействующий препарат, вызывающий галлюцинации и агрессию. Под его воздействием человек на трое суток превращался в зверя, рычал, когда видел людей, на всех бросался, грыз прутья клетки и даже свои руки.

Приговор был прост: за халатное исполнение приказов приговорить к сожжению. Палач оглядел собравшихся.

– И так будет со всеми, кто формально относится к порученному делу. Мне нужны казни, хотя бы раз в месяц. Не найдете одержимых, будете гореть сами. Притащите бродяг, которых наловите по дорогам, – будете гореть вместе с ними. Мне нужны жертвы, на которых можно повлиять, заставить нам служить из страха быть сожженным, и жертвы, у которых можно отобрать имущество, – закончил свою короткую речь новый магистр ордена.

Вскоре на площадь выехали телеги с клетками, в каждой из которых сидел голый мужчина. Стоило им увидеть людей, собравшихся на площади, как они взвыли, ухватились за металлические прутья и стали их бешено трясти, чтобы вырваться. Испуганная толпа подалась назад, но, заметив, что приговоренные выбраться не могут, подступила ближе, жадно рассматривая одержимых демонами. Один мальчишка подобрал камень и бросил в пленника, камень попал в лоб, и кровь стала заливать лицо рычащего и беснующегося человека. За первым последовал уже град камней, но люди в клетках не обращали на это внимания, они в ярости и бессильной злобе зубами ухватились за железные прутья и стали их грызть.

– Смотрите, им не больно! – закричал один из зрителей и, подойдя почти вплотную к клетке, ткнул палкой между прутьев.

Пленник ловко перехватил ее и дернул к себе, зевака, не ожидавший этого, не успел выпустить палку и был притянут к клетке, а в следующий миг он дико закричал. Одержимый

вцепился руками в его лицо и погрузил пальцы в глаза. Несчастный судорожно забился, захлебываясь криком, а двое Искореняющих попытались оторвать его от клетки.

Но одержимый крепко держал добычу, радостно урча и вцепившись зубами в щеку. Через полминуты борьбы беднягу все же удалось оторвать от клетки. Из глаз того текла кровь, а на щеке зияла большая дыра. Он повис на руках Искореняющих, громко вопя.

Советник смотрел на происходящее, и впервые с его лица исчезла маска равнодушия и бесстрастия.

– Достойное представление, – похвалил он. – Это укрепит авторитет ордена.

Вскоре на площади запылало три костра. Приговоренных привязали попарно к столбам, спиной к спине. Площадь огласилась криками боли, потом они перешли в кашель и хрип, и на некоторое время наступила тишина, слышно было только треск горящих поленьев и гул огня, взметнувшегося вверх. Затем раздался еле слышный одинокий крик:

– Я не виновна... – Несчастный не договорил, скрывшись в пламени костра.

Толпа молчала, потрясенная зрелищем. Такого они еще не видели.

Но был среди зевак человек, который смотрел не на костер, а на Искореняющих. Он старался запомнить их лица, подмечал особые приметы, рост, особенности фигуры. Даже повадки пытался отложить в памяти. Когда крики казненных смолкли, он первым не спеша покинул площадь.

Поздно вечером того же дня к воротам цитадели Искореняющих, сильно прихрамывая, подошел старик. Ковылял он, опираясь на палку, и этой же палкой постучал в ворота. Открылось окошко, и привратник, оглядев старика и брезгливо сморщившись, спросил:

– Чего надо?

– У меня письмо, – прошепелявил старик и полез в сумку. Он подслеповато шурился, копаясь в ней, пытаясь отыскать письмо.

– Какое письмо, от кого? – раздраженно спросил Искореняющий.

Старик наконец вытащил свиток и дрожащей рукой держал его.

– Ну чего ты копаешься, давай его сюда! – не выдержал медлительности привратник и высунул руку в окошко.

Старик мгновенно схватил его руку и, удерживая ее, свитком ткнул привратнику в лицо. В свитке был спрятан стилет, и он вонзился магу в глаз.

– Письмо от госпожи Смерти, сынок, – сказал старик и, развернувшись, пошел прочь.

Он был уже на середине площади, когда ворота распахнулись и из них выскочили пятеро мужчин. Они увидели старика и бросились за ним. Догоняя его, один крикнул:

– Стой, старая сволочь! Все равно не уйдешь!

Старик остановился и стоял, не поворачиваясь к ним лицом. Он широко раскинул руки и так застыл.

– Приложи его станером, – негромко сказал один из преследователей.

Но старик продолжал стоять как ни в чем не бывало.

– Да что за дела, на него не действует ошеломление, – удивленно проговорил стрелявший.

Старик как стоял, раскинув руки, так и остался стоять. Они подошли ближе, и стрелявший рванул за плащ. Под плащом был обыкновенный кожаный бурдюк, а сам плащ неведомым образом держался в воздухе, создавая иллюзию присутствия человека. Искореняющие окружили застывший плащ и с удивлением рассматривали бурдюк.

– А где сам старик? – изумленно спросил самый молодой из них, и в этот момент на том месте, где они стояли, раздался громкий хлопок.

Воздух наполнили тысячи капель. Мгновенно вспыхнувшее пламя поглотило стоявших, и, пылая нестерпимым жаром, грозно гудело пять рисков, после чего быстро угасло. Мостовая, выложенная гранитными булыжниками, в этом месте выгорела, и камень от жара, треснув, превратился в оплавленный песок. От пятерых Искореняющих остались небольшие кучки пепла...

Курт Веймар угрюмо слушал доклад дежурного о происшествии. В зале собрались все Искореняющие, присутствовал и советник.

– Что написано в письме? – спросил новый магистр. Он выслушал доклад с изрядной долей равнодушия и ни разу не перебил говорившего.

Дежурный зачитал:

– Под вашими ногами будет гореть земля.

– Вы прочитали это послание и послали пятерых людей задержать старика? – уточнил магистр.

– Ну да, господин магистр, – недоуменно ответил дежурный, – все так и было.

– И они после этого сгорели?

Дежурный кивнул, не понимая, куда клонит маленький магистр.

– Вы подошли слишком халатно к своим обязанностям и виновны в гибели пятерых членов организации. Вы отправитесь на костер.

Дежурный еще не понял смысл сказанного, как и остальные сидящие в зале, а его уже обездвижила стража.

– Казнь через три дня, – вынес приговор магистр.

В зале раздался возмущенный ропот. Палач ястребиным взглядом оглядел собравшихся и ткнул пальцем сначала в одного.

– Хотите последовать за провинившимся?

Тот побледнел и отрицательно покачал головой.

– Тогда вы? – Магистр указал тем же пальцем на соседа.

Тот тоже отрицательно покачал головой.

– Тогда, может, вы недовольны приговором? – Магистр в упор смотрел на Курта.

Веймар понимал, что новый магистр хочет показать, что он в ордене главный, показать не ему, всем остальным. Чтобы те понимали, что слово Курта уже не имеет силы в ордене.

– Мое мнение не имеет значения, герр Шнапс, вы – магистр ордена, и вам решать эти вопросы, – стараясь сохранять невозмутимость, ответил Веймар. – Мое дело осуществить координацию действий ордена и остальных ячеек организации для продолжения непрерывных поставок.

– Абсолютно верное замечание, герр Веймар, ничье мнение не имеет значения, потому что мне поручено решать вопросы ордена. – Магистр оглядел притихших Искореняющих. – И чем раньше вы это поймете, тем больше вас останется в живых. – Он еще раз окинул взглядом присутствующих и скомандовал: – А теперь все живо за работу, я хочу видеть ваше старание!

Открытый космос.

Торговая станция Конфедерации Шлозвенг

– Господин советник, рад видеть вас в добром здравии. – В кабинет Шлемаза Морданхая, второго советника Совета сектора, упругой походкой уверенного в себе человека вошел невысокий улыбающийся крепыш. Он без приглашения уселся в кресло, стоящее сбоку от приставного столика, и, все так же улыбаясь, тихо спросил: – Вы что творите? – Улыбка исчезла с его лица, теперь перед советником сидел злой посетитель и буравил его взглядом.

– О чем идет речь, господин Бристхаун? – не смутившись от такого обращения, спросил советник.

Вильд Бристхаун был представителем корпорации «Триатекс» в их секторе, которая занималась добычей ископаемых во вновь освоенных мирах. Сама корпорация еще не освоила добычу в пределах пространства торговой станции, но застолбила за собой право на будущую разработку. Действовала она просто: ждала, когда «дикие копатели» вроде колонистов на Суровой найдут что-то полезное, и с помощью связей и денежных подарков администрации забирали себе планету. Простейшим способом решения проблемы было послать пиратов и блоки-

ровать планету и поставки оттуда. Затем на планету высаживался переговорщик от Совета, он договаривался с колонистами о вхождении в Конфедерацию, и в колонию назначался управляющий. За определенное время он доводил колонию до банкротства и за символическую плату переписывал шахты и имущество на «Триатекс». Некоторое время колонисты работали на корпорацию, а потом их просто выгоняли, обобрав до нитки. Такая вот была хорошо отработанная, доказавшая эффективность схема узаконенного грабежа. Все жалобы тонули в бюрократии сектора, а наиболее строптивые устранялись тихо и без шума.

Но в этот раз она дала осечку, и Вильд Бристхаун прибыл разобраться с положением дел на месте. Суровая была лакомым куском. Огромные запасы разведанных редкоземельных металлов, которых требовалось все больше и больше. А здесь открыли запасы миллирита, добавка которого в стальные сплавы увеличивала прочность металла в сто десять раз. Фосфаты, которые шли на производство удобрений. Колонисты провели обширные изыскания, дорогостоящую разведку, составили подробную карту залежей и начали эффективную добычу. По мнению руководства «Триатекс», планета была готова влиться в их производственный цикл.

– Не делайте вид, господин Морданхай, что вы не понимаете, о чем идет речь. Здесь только одна планета, достойная внимания нашей корпорации. Это Суровая. И что я узнаю? Вы получили задаток. А сами утвердили самоуправление колонистов. Как это понимать?

– Бристхаун, я не получал задатка, – спокойно ответил советник, пропустив слово «господин». Он давал понять, что такие наезды простого эмиссара ему безразличны и даже негативно скажутся на дальнейшем сотрудничестве. – Вы говорите какие-то странные вещи: корпорация оплатила мои услуги консультанта по этому вопросу. Со своей стороны я сделал все возможное для решения вопроса... – Он переложил папки на другой край стола, давая себе время продумать дальнейший разговор. – Но колонисты объединились с появившимся у нас Новоросским княжеством и смогли уничтожить силы, блокирующие планету. У них есть военный флот, и весьма эффективный. Кроме того, в секторе произошли странные события. Друзья, которые всегда помогали нам решать болезненные вопросы, погибли во время взрыва на базе. У нас нет сил для оказания давления. А вот корабль наших друзей неожиданно оказался в руках колонистов. И он перевозит уже не концентрат руды, а сами металлы. Союз Новой Доло-неи и Новоросского княжества представляет серьезную силу. Их корабли ходят под охраной штурмовиков. Планету охраняет патрульное звено пограничников. У нас нет сил и возможностей повлиять на это. В отчете, отправленном руководству корпорации, я все подробно описал.

Крепыш понял, что перегнул палку, и примирительно улыбнулся.

– Простите, господин советник, я оговорился. Меня направили сюда, чтобы более подробно ознакомиться с ситуацией на месте и, исходя из того, что мне удастся выяснить, принять меры.

– Выясняйте, – пожал плечами советник. Ему было все равно, кто победит в этой схватке. Если победителями выйдут колонисты, он будет продолжать получать свои проценты, если победителем станет корпорация, ей также придется раскошелиться.

Бристхаун увидел этот жест и нахмурился. Ему не нравился настрой советника, вместо того чтобы помогать ему, тот просто пожимает плечами. Видно было, что советник избрал позицию стороннего наблюдателя. Скрепя сердце посетитель выложил на стол флеш-карту.

– Это новый счет на предъявителя, здесь сто тысяч кредитов.

Советник сидел молча, не прикасаясь к флешке. Пауза затягивалась, и крепыш продолжил:

– Это вам, господин советник, за консультацию.

Слова были сказаны. Советник улыбнулся, сгреб флеш-карту, вставил в наручный искин и удовлетворенно кивнул.

– Какого рода консультация вам нужна?

– Вся информация по этому союзу.

– Не вопрос. – Советник достал из стола такую же флеш-карту, какую только что спрятал, и протянул посетителю. Шлемаз Морданхай принципиально взятки не брал. Он зарабатывал.

Инферно

Отряд сенгуров подошел к развалинам города. Не доходя примерно сто лаг, они остановились по взмаху руки Листи. Им навстречу выскользнула фигура и приблизилась. Листи успокоенно выдохнула – это была сенгурка, одна из ходящих в тени. Она поклонилась Листи:

– Мать, я рада тебя видеть. Идите за мной и ничему не удивляйтесь. Командир вас ждет.

Идти пришлось змейкой – улица была перегорожена, как будто кто-то специально причудливо набросал груды больших блоков и камней, создавая препятствия. На площади стоял Прокс, а рядом с ним два сенгура и... и...

«Не может быть», – подумала Листи и протерла глаза. Рядом с сенгурами и Алешем абсолютно спокойно стоял «колпак». Листи споткнулась и остановилась.

– Иди, сестра, не бойся, – сказала Лерея, которую несли на носилках, – это слуги Алеша, он вывел одно гнездо из пустыни, когда Рован отказался дать воинов. Теперь гнездо служит ему. Видишь, как быстро меняется жизнь? – Она говорила с трудом и хрипя. – Еще не так давно ты была княгиней, недоступной и важной, а Алеш изгоем. Теперь в бегах ты, а Алеш крысанский повелитель. – Она изобразила смех, наблюдая растерянность Матери всех сенгуров и по совместительству бывшей княгини.

Алеш спокойно смотрел на приближающийся отряд. Он уже знал, что сенгуры покинули замок и направились к нему. С одной стороны, силы его росли, с другой – он выходил из тени и становился объектом атаки Цу Кенброка. Тому ничего не стоило направить войска и зачистить город. Но и Алеш подготовился. Крысаны день и ночь рыли проходы, соединяя подземелья, строили ловушки. Наконец, у него было два пути отступления – на базу в пустыню или в Преддверие. Уход в Преддверие был самым последним вариантом. Оттуда мог уйти только он, остальным нужно было пройти лабиринт или остаться там навсегда. У него было несколько планов на крайний случай.

Прокс ждал, когда сенгуры подойдут. Его сердце не екнуло, не защемило от вида растерянной Листи. Он без всяких эмоций оглядел нестройную толпу, в которую превратился отряд сенгуров, и громко заговорил:

– Слушайте меня, сенгуры. Это мой город. Все, кто хочет мне служить, выходите и становитесь за моей спиной. Вы получите еду и защиту. Все, кто хочет жить самостоятельно, могут уйти или перейти на восточную половину. Но в этом случае они станут добычей местных демонов и крысанов. Все, кто перейдет в мое подчинение, будут выполнять мои приказы беспрекословно, кто ослушается – пойдет на корм крысанам. Я все сказал.

– Отнесите меня к нему! – приказала Лерея.

За ней сразу пошла Корна и десяток сенгуров. Они встали за спиной Прокса. Скоро потянулись ручеи из остальных сенгуров. Листи не двинулась с места, с ней осталось около шести десятков воинов.

Листи, скрывая обиду, посмотрела в глаза Алеша.

– Мы уйдем завтра. Позволишь ли ты нам переждать эту ночь? – спросила она, и ее голос предательски дрогнул.

– Вы можете остаться, но завтра к полудню вы лишитесь моей защиты. Тени, проводите новых воинов в их помещения и разбейте на десятки. Лерею ко мне. – Он развернулся спиной к оставшимся с Листи сенгурам и пошел прочь.

– Ты не хочешь поговорить? – услышал он громкий окрик Матери.

Приостановился и, обернувшись через плечо, ответил:

– Я не вижу в этом необходимости, Листи. Наши дороги разошлись. – И он зашагал дальше.

Лерея печально смотрела на Алеша, который осторожно ощупывал ее раны.

– Зачем тебе калека, надзирающий, убей меня и прекрати мучения.

– Лерея, детка, – мягко улыбнулся Прокс, – я знаю место, где у тебя заново отрастут руки и ноги. Но штука в том, что туда легко попасть, а вот выйти трудно. Оттуда только один путь, через лабиринт, и у этого лабиринта два выхода.

– И что это за место, где отрастают заново руки и ноги? – с недоверием спросила девушка.

– Это Преддверие в преисподнюю, Лерея.

– Ты там был? – после недолгого раздумья спросила тень.

– Был.

– И ты вышел.

– Вышел. Мне помогли.

– Девочка и Крома?

– Да.

– Тогда тащи меня туда. Я выйду из этого лабиринта.

– Чем раньше мы туда попадем, тем легче тебе будет восстановить конечности, – предупредил Прокс. – Свежие раны там быстро затягиваются. Я одному демону отрезал уши, так они за полтрика отросли.

– Тогда чего ты ждешь? Отправляй меня туда. – Лерея была настроена решительно.

– Подожди, может, кто-то еще захочет тебя сопровождать.

– А им какая от этого польза? – Лерея непонимающе смотрела на надзирающего.

– Они изменятся.

Вернувшись во дворец, Цу Кенброк обходил пустые залы. Оставшаяся охрана и демон-распорядитель были убиты, прислуга разбежалась, везде царило запустение и тишина, прерываемая цоканьем подкованных сапог князя. Цу Кенброк не был в ярости, не горел огнем мщения. Его переиграли и втянули в смертельную схватку. Он не понимал мотивов соперника – отправить к нему свою стражу, чтобы выманить его, а потом дать свободно уйти. Пусть он лишился гвардии и нескольких демонесс, но повелители демонов и его армия на месте. Его щелкнули по носу и показали, что он глупец. Это даже хорошо, впредь он не будет зарываться. И надо теснее сотрудничать с иномирцами. А те ищут своего врага из внешнего мира, которого он отправил, как тогда ему представлялось, в один конец. Но демон-человек смог его удивить, он прошел тропой скрава и стал почти неприкасаемым. Но и это можно исправить. Только действовать нужно тоньше. А пока нужно вызвать войска для охраны замка, вернуть прислугу и назначить распорядителя. Потом найти предателей-сенгуров вместе с этой неблагодарной тварью. Она должна родить ему наследника, тогда его сила возрастет вдвое.

Цу Кенброк шел по длинным коридорам, большим и малым залам, не думая, куда идет и зачем. Погруженный в свои мысли, он даже не обращал внимания на то, что посинел, такое уже было, стоит набрать стражу во дворец, и он станет опять черным.

– Гуляешь? – раздался голос откуда-то сбоку.

Князь повернул голову и замер. На столе сидел черный демон и чистил небольшие крылья.

«О Творец! Крылатый!» – в смятении подумал Цу Кенброк. Только облеченные большой силой получали крылья, среди князей их было едва ли десяток, и их боялись. А крылатый, словно не замечая его смятения, сложил крылья за спиной и с усмешкой посмотрел на князя.

– Я пришел поговорить, Цу Кенброк. Сегодня ты получил хороший урок. Я вижу, все покинули тебя – кто отправился в котел преисподней, кто сбежал. Что думаешь делать? Наймешь новую стражу и наберешь новых демонесс? – Крылатый задавал вопросы и сам на них отвечал, в замке происходило что-то невообразимое. Противник смог преодолеть линию

защиты и спокойно разгуливал по замку. – Не думаю, что это тебе поможет. Скоро слухи о твоём разгроме выйдут за пределы домена, и несколько жадных соседей, объединившись, заявятся к тебе в гости. Думаешь, они будут ждать? – Он серьёзно посмотрел на Цу Кенброка, показывая, что шутки закончились и он подошел к главному.

– Что ты предлагаешь, Ши Розгон?

Князь по первости был поражен тем, что его давний враг посмел явиться к нему без церемоний и без всякого страха. Но по мере того как тот говорил, стал понимать, что Ши Розгон пришел не просто так устроить дуэль и поиздеваться. Он мог взять демонесс и вместе с ними атаковать его здесь и из астрала – и, скорее всего, убил бы. Цу Кенброк ослаб и не имел прикрытия астральных ходов. Но вместо этого он сидит и разговаривает, подводя его, Цу Кенброка, к какому-то решению.

– Все просто, сосед: ты слаб, я тоже слаб, но вместе мы в три раза сильнее любого князя. Я предлагаю союз. Скоро падальщики соберутся на пир и будут высчитывать жертву, но, узнав о нашем союзе, обойдут нас стороной, – ответил крылатый.

– А что им помешает объединиться против нас?

– Для победы им нужно объединиться троим или даже четверым, что уже практически невозможно. Но даже если они объединятся и нападут, то что они получают? Один домен на троих или четверых. Кроме того, они понесут существенные потери, а этим воспользуются другие князья. Так что не думаю, что они будут рисковать. Наш разделенный домен не столь уж лакомый кусок. Он привлекает одиночек. Но у одного князя нет шансов захватить этот домен. А у нас с тобой будет.

Цу Кенброк понимал, что Ши Розгон говорит дельные вещи, но не понимал до конца мотивов крылатого. Он мог захватить его часть домена уже сегодня, но пришел сам и предложил союз тому, кого победил. Такое великодушие князьям тьмы не было свойственно.

– Ты думаешь, почему я тебя не убил? – словно прочитав его мысли, спросил крылатый. – Иномирцы. Тому виной иномирцы. На твоей части домена стоят иномирцы, и они тебе помогают. После того как завяжется борьба и мы отобьем домен-другой, думаю, они нам помогут. И ты покинешь мой домен, а если получится пощипать нескольких соседей, разделим их домены.

Цу Кенброк понял мотивы соседа и был вынужден с ним согласиться. Но все-таки, чтобы окончательно иметь ясность в этом вопросе, спросил:

– А почему ты не пошел к другим князьям с этим предложением?

– Потому что ты не настоящий князь, а половинчатый, – взирая с усмешкой на вспышку гнева Цу Кенброка, ответил крылатый. – Как и я. Ты можешь принять мое предложение, они – нет. Так как?

– Я согласен на союз, – ответил Цу Кенброк и почувствовал, как его снова наполняет сила. Он удовлетворенно осмотрел себя и увидел, что опять стал черен, а сзади между лопатками затрепыхались зачатки крыльев.

На порталной площадке появились четверо полудемонов с арбалетами, они вышли за ее пределы и взяли под свой контроль прилегающую территорию. Они внимательно осмотрелись и, не заметив ничего необычного или внушающего опасения, опустили оружие. Вскоре на порталной площадке появились крауры, их было десять, они быстро ушли и освободили место, и из портала вышли связанные пленники – девять юных снежных эльфаров. Почти дети, которые затравленно оглядывались. Они больше походили на зверьков, чем на разумных. Грязные, оборванные, в синяках и ссадинах, с гасителями магии на руках. Друг с другом они были связаны цепью, которая крепилась к их ошейникам. Вместе с ними прибыл погонщик, который дернул впереди стоящего подростка за свисавший конец цепи, и небольшой караван сошел с порталной площадки. Через полриды на плите показались сам караванщик и его охрана из

троих огромных красных демонов. Караван построился в походный порядок и двинулся к столице Цу Кенброка.

– Они идут! – В подвал к Алешу влетела запыхавшаяся Корна. – И с ними три красных демона, не повелители, а простые охранники, такие, как ты их описал. Через двадцать рид будут рядом с нами.

Алеш поднялся. Наконец-то появились те, кого он ждал. Его оправдание в глазах АДа и путь к свободе.

– Кого еще видела?

– Видела пятерых демонов, очень опасные, я не стала приближаться к ним. Это те, о ком ты говорил? – спросила Корна.

– Да, это они. Давай команду выдвигаться на позиции и позови Стоптыпервого.

Алеш ждал этого момента с нетерпением. Не доверяя полностью красным скравам, он подготовил засаду недалеко от развалин города. Рабочие вырыли подземные ходы и норы, по ним можно было перемещаться незаметно для идущих по дороге. Оттуда можно было внезапно напасть и скрытно отступить. Прокс готовился основательно и к будущей войне, и к осаде и готовил пути к отступлению. Он разработал целую стратегию использования сенгуров и крысанов. Несколько дней тренировал тех и других, добиваясь слаженности и четкости действий. Основной ударной силой были «колпаки», против них не смог бы устоять и князь тьмы, настолько сильны были они в ментальном плане. Но на чистильщиков из центрального офиса это могло сработать только один раз. Потом их нейросеть выставит защиту. Значит, у него только одна попытка.

План Прокса состоял из двух этапов. Атака скравов, и, если они справятся и захватят агентов, уйти с пленными в пустыню на базу. Если нет, использовать «колпаков» для атаки на эту троицу. Сенгуры отвлекали остальных, а крысаны имитировали атаку и захват пленных. Сам караван подлежит уничтожению, но несколько его членов должны выжить и донести информацию о нападении до валорцев на базе. Но что они расскажут, что на них напали демоны и мутанты? Только это. Прокс после долгих лет службы полевым агентом понимал, что ему передали информацию от глубоко внедренного коллеги и тем жертвовали, чтобы получить доказательства связи офиса и синдиката. Обычная подковерная борьба провластных «башен» за влияние на АД. При этом никого не интересовала судьба исполнителей. И у агентов уже давно сформировался свой кодекс взаимопомощи. Если можешь не подставить своего коллегу, сделай это. Сегодня ты его прикрыл, завтра он тебя. Это были принципы выживания. Поэтому Алеш делал все, чтобы показать, что нападение было случайным и красные демоны не были единственным объектом атаки.

Караван неспешно двигался давно известным маршрутом, самые опасные участки были уже пройдены, и до цели оставалось несколько часов пути. И охранники, и крауры это понимали, они шли расслабленно, не озираясь по сторонам. Да и ничто в пустынном пейзаже не вызывало тревоги. Навстречу им шел небольшой караван таких же торговцев, как и они. Караванщик и четыре охранника. Такие встречи происходили регулярно и не вызвали подозрений. Как только караваны поравнялись, демоны – охранники второго каравана мгновенно выхватили мечи и набросились на прибывших. Не ожидавший нападения караванщик был сразу сбит с лошади и, окровавленный, упал в пыль. Один из его охранников с подрезанной ногой упал на колено и, яростно отмахиваясь мерцающим мечом, отразил несколько молниеносных атак, его меч как тростинки перерубил клинки нападавших, и те быстро разорвали дистанцию. Это дало возможность остальным двоим выхватить станеры и самим атаковать. Один из нападавших застыл с мучительной гримасой на лице и кулем повалился в пыль, трое других быстро рассредоточились и атаковали магией. Вспыхнули щиты демонов, и один из них выхватил плазмомет. Прежде чем он успел применить его, нападавшие окутались густым дымом и исчезли в нем. Два демона открыли огонь из станера и плазменного ружья по расплывавшемуся облаку.

Алеш все это время скрытно следил из вырытой норы, рядом с ним сгорбились два «колпака». Сейчас агенты были к ним спиной и всю расстреливали катившееся по дороге облако. Крауры отбежали и залегли в придорожной канаве. Пленники сбились в кучу, остальная охрана каравана только начала заряжать арбалеты. Прокс поднял за шиворот «колпаков» и показал кивком головы на трех красных демонов.

– Атакуйте этих, – прошептал он.

В тот же момент двое оглянулись и с удивлением уставились на уродливые головы в колпаках, торчащие из земли, а затем молча завалились на спины. Третий смотрел только перед собой, держа в руках станер и молекулярный меч.

Алеш свистнул известным среди полевых агентов сигналом. Ничего не подозревающий демон оглянулся и замер. На него смотрели две крысиные морды в колпаках. Он несколько мгновений ошеломленно созерцал нереальную картину. Затем, не произнеся ни слова, упал. После этого сенгуры и крысаны бросились в атаку. Сенгуры, выставив щиты, прикрывали крысанов и «колпака», тот оглушал воинов, а высочившие крысаны собирали упавших. Нападение заняло от силы пару минут. Несколько раненых охранников и караванщик остались лежать в пыли на дороге, остальных потащили в норы. Пленников погнали в развалины города, и совсем скоро на месте засады установилась тишина, разросшееся облако накрыло дорогу и лежащие на ней тела.

Щим Румаз уже не первый год сотрудничал с людьми. Это было выгодно. К нему в Брисвиль приходил посланец и назначал дату убийства в верхний слой. Как правило, там его ждал караван с рабами, грузом и охраной. Вся работа Румаза заключалась в том, чтобы довести караван до столицы узурпатора – так купцы называли нового князя Цу Кенброка. Там караван встречали и передавали Щиму остальную сумму вознаграждения. Оплата была очень достойной, и Щим Румаз перестал вкладывать средства, чтобы формировать свои караваны. Зачем, когда он и так безбедно жил. Он купил дом в Брисвиле, нанял прислугу и завел гарем. Последний год для него был благословлен Творцом. Он, как всегда, благополучно прибыл на нижний слой. По дороге он раздавал подарки и не встретил грабителей. Его очень хорошо знали местные вожди. Лучше получить подарок, чем погибнуть в боях с его ужасной стражей. Тем более что купец был щедр.

Покачиваясь на маленьком чермеze, выносливом и неприхотливым верховом животном, караванщик задремал. Они почти прибыли. Здесь, на нижнем слое, никогда не было неприятностей. Осталось несколько часов, и он сдаст караван нанимателю и получит свою награду.

Его дремоту прервал шум. Румаз приоткрыл недовольно глаза и увидел, как рукоять меча летит ему в голову. Затем он ощутил боль, в голове зазвенело, и он свалился с лошади. На караван напали, и вокруг него шло сражение, один из телохранителей был ранен, но продолжал яростно сражаться, отмахиваясь мечом от нападавших. Атакующие отскочили. Отобьемся, подумал успокаивающийся караванщик, и в это время низко над дорогой стал расплзаться дым. А дальше Щим Румаз предпочел притвориться мертвым, чем видеть то, что он будет вспоминать с содроганием всю свою дальнейшую жизнь.

Встречающий смотрел на оборванного и окровавленного купца, взгляд его выражал недоверие пополам с огромным удивлением.

– Так вы хотите сказать, что на вас напали огромные крысы в колпаках и утащили всех под землю?

– Да, господин Чи, – согласно кивнул караванщик, – огромные, ужасные крысы, и с ними были страшилища о двух головах, некоторые с тремя или четырьмя руками.

Чи пытался осознать услышанное, но ему это не удавалось. Скорее всего, купец попал под заклятие или сбрендил от страха. Он нес что-то несусветное, о таких тварях здесь никогда не слышали, не то чтобы увидеть. В развалинах всегда жили банды демонов, и они нападали

на караваны. Но это были простые бродяги, старые демоны, покинувшие своих повелителей, дезертиры, а не крысы. Наконец после долгих раздумий он сказал:

– Уважаемый Щим Румаз, пойдемте к вашему нанимателю, и вы ему все расскажете.

Глава 2

Город Азанар

После занятий Эрна не пошла в столовую. Легла на кровать и сказала, что приболела и вообще нет аппетита. Мегги, ее соседка по комнате, бросив на нее быстрый взгляд, фыркнула, выразив таким образом свое мнение по поводу ее недомогания. Но Эрна сделала вид, что не поняла насмешки, и закрыла глаза. Она подождала, когда в коридоре все стихнет, и только тогда покинула комнату. Быстрым шагом прошла по боковой аллее и покинула территорию академии. У места, где всегда стояли экипажи извозчиков, ожидая клиентов, была лишь одна коляска с поднятым верхом. Эрна, подобрав подол платья, поспешила к ней. Дверца перед ней распахнулась, и она легко вскочила внутрь. В коляске сидел красивый дворянин лет тридцати.

– Дорогая, ты просто восхитительна, – приятным голосом проговорил он и поцеловал ей руку.

Девушка, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы и морозца, восторженно посмотрела на мужчину и, не в силах сдерживать свои чувства, повисла у него на шее, впившись в его губы долгим, страстным поцелуем. Коляска тронулась с места. Эрна уже сидела на коленях мужчины, прижималась к нему всем телом и продолжала целовать с нарастающей страстью. Эрна была счастлива. Млела от его поцелуев, которые заставляли трепетать в истоме каждую клеточку ее тела. Его губы нежно прикасались к ее губам, пробегали по подбородку, переходили на шею, и даже легкое прикосновение дарило непередаваемое наслаждение, разжигая в ней пожар страсти, лишая ее сил сопротивляться подступающему желанию.

Он шептал нежные слова, и голова у нее кружилась, туманилась, теряя оковы запретов. Его руки по-хозяйски, но очень нежно высвободили грудь и ласкали ее. Наконец она не выдержала и застонала. Повернулась к нему спиной и сама задрала подол платья. Оттого что их соитие происходит прямо в коляске, оттого что она срывает запретный плод, отбросив всякую стыдливость, ее страсть разгоралась еще сильнее. Эрна, забыв обо всем на свете, с громким стоном несколько раз испытала взрыв наслаждения. Она не чувствовала стыда, наоборот, волна обожания овладевшего ею мужчины захлестывала ее, девушка была послушна, податлива в его руках и с огромным желанием отдавалась ему. Он признавался ей в любви и страсти, а она была готова поверить всему, что он говорил, и бесконечная нежность к нему наполняла все существо опьяневшей от ласк и любовного томления девушки. Коляска покружила по городу, выбирая тихие улицы, и наконец вернулась к академии. Эрна покинула экипаж и, счастливая, словно обрела крылья, не шла, а летела к проходной. Повозка развернулась, в нее заскочил человек, и она неспешно поехала, поскрипывая колесами, прочь.

В повозке человек преобразился в лесного эльфа. Он брезгливо посмотрел на место, где сидела девушка и остались следы любовных утех, сел на краешек.

– Как все прошло? – спросил он.

Любовник Эрны – он тоже снял иллюзию и стал таким же эльфаром – усмехнулся и ответил:

– Как всегда. Эти человеческие самки не умеют контролировать себя. Почувствовав аромат «Пота инкуба», они буквально сходят с ума. Они как животные руководствуются лишь инстинктами. Они это называют любовью, – он снова усмехнулся, – но, надо отдать им должное, в постели они более эмоциональны, чем наши сдержанные девушки. Хотя не такие изобретательные в плане плотских утех.

– Твои победы меня не интересуют, – скривился подсевший на место Эрны эльф. – Я вообще не понимаю, почему ты развлекаешься здесь. Да еще используешь дорогие духи для соблазнения низших.

– Просто для новизны впечатлений. Меня возбуждает ее бесстыдная страсть. Хотя какое-то разнообразие. А зачем тогда покупать эликсир страсти, если его не использовать? – Любовник Эрны, смеясь, посмотрел на собеседника, на лице которого застыло брезгливое выражение. – Мари-ил, ты состарился и стал занудой.

Мари-ил, не желая слушать дальше откровений соплеменника и вступать с ним в споры, сменил тему разговора:

– Рассказывай, что узнал.

– Нехеец прибыл, крошка сделала вид, что интересуется снежным вырожденком, и тот вроде одобрил ее. Она уклонилась от того, чтобы разделить с ним постель, и он не обратил на это внимания. Теперь она будет всем демонстрировать, что у нее роман с этим эльфаром. А дальше посмотрим.

– Ты уверен, что она справится? – недоверчиво спросил Мари-ил.

– Я дал ей сок гиянны, когда она захотела утолить жажду, и сделал внушение, заложив в ее голову то, как она должна действовать. Гиянна еще никогда не давала осечки.

Мари-ил согласно кивнул:

– Хорошо.

Дальше они ехали молча, размышляя каждый о своем.

Эрна была переполнена счастьем. Творец проявил к ней милость, и она встретила достойного мужчину, о котором мечтала всю жизнь. С ним она познала блаженство и почувствовала себя настоящей женщиной, которую любят и боготворят.

Она навсегда запомнила их первую встречу. Ее пригласил в трактир снежный эльфар Ар-ил, они поболтали, но вскоре эльфар засобирался и ушел, оставив ее одну. Эрна была разочарована. Девушке неблагородного происхождения очень трудно устроиться в жизни. Что ее ждет по окончании учебы? Служба у милорда? Но он женится, а она останется одна, снедаемая ревностью. Вряд ли он позаботится о ее судьбе. Он странный: то очень взрослый, то наивный как ребенок. Еще эти бои... не таким она себе представляла свое будущее... За этими раздумьями она не заметила, как за ее столик подсел незнакомец. Она его почувствовала. Вернее, вдохнула еле заметный горький аромат его духов и услышала голос – приятный, настоящий мужской.

– Ваш кавалер оставил вас, моя принцесса?

Эрна взглянула на него, и ее сердце навсегда было украдено этим человеком. На нее смотрел и улыбался дворянин лет тридцати, с мужественным лицом.

– Не огорчайтесь, – сказал он, – все эльфары зазнайки, считают себя выше нас, людей. Он просто не способен оценить вашу красоту, рена. – И представился: – Жарим тан Бильдо, обедневший лигирийский аристократ. Но у меня хватит денег, чтобы вас угостить.

Он взмахнул рукой, и тотчас к ним подбежал подавальщик. Эрна не слышала, что говорил этот лигириец, она нежилась в звуках его голоса и тонула в его карих глазах. Они проговорили весь вечер и вместе ушли. Он нанял коляску, и там впервые случилось то, от чего ей было и стыдно и сладко.

Я видел, что Эрна не пошла в столовую, ее маркер некоторое время находился без движения, а потом стал быстро удаляться, пока не скрылся из зоны действия сканера. Значит, она покинула академию. По словам Мегги, она приболела.

Примерно через час после обеда, когда я отдыхал у себя в апартаментах, появилась метка Эрны. Девушка прошла к себе в комнату. Поведение ее действительно было странным. Но странным оно казалось только мне, остальные или слегка посмеивались над ее увлечением снежным эльфаром, или оставались равнодушными. Я же решил не торопить события, а посмотреть, что будет дальше. Когда Шиза заверила меня, что я не болен шизофренией и у

меня нет раздвоения личности, я успокоился и постарался настроиться на разрушение искусственной преграды между моим сознанием и памятью Ирридара. Раньше я не мог решить, кто я, кем стал. Остался прежним Глуховым или переродился в Ирридара? Примерял на себя то образ майора, то образ нехейца. Теперь я точно знал, что я Глухов, только получил новое качество от нехейца, усиливающее меня. Я должен был вжиться в свою роль и изображать нехейца, оставаясь Глуховым, а это у меня получалось пока плохо.

Я прилег на кровать и стал разбирать базу выживания. Пробежал по разделам и нашел нужное мне – вживание в образ и выживание на нелегальном положении. Запустил повторную установку и отрубился. Я понял, что мое собственное сознание блокировало данные разделы и не давало пользоваться ими в должной мере, как это требуется.

Во время распаковки файлов я на каком-то слое сознания продолжал думать и даже общаться с Шизой. После нашей встречи между нами протянулась ниточка взаимопонимания. Я старался помочь ей осуществлять воздействие на меня, не отстраняясь от нее, как было раньше, и не блокируя ее попытки своей волей.

В процессе размышлений над ее природой меня заинтересовал вопрос, как она может существовать как живой организм и в то же время как кибернетическая нейросеть.

– Все просто, дорогой, – ответила Шиза.

Теперь от ее обращения «дорогой» я не впадал в панику и не отгораживался стеной неприятия. Я ее принял как живое воплощение чужого разума и как личность, существующую в моем сознании словно в другом измерении, куда и сам попадал несколько раз. Она стала для меня не набором программ и клеток, вжившихся в мой организм, а реальным человеком, живущим в другой вселенной. Шиза меж тем продолжила:

– Нейросеть и я используем один вид волнового излучения, он называется Р-300. С его помощью мы получаем возможность взаимодействовать как с человеком, так и с любым программным обеспечением. Принимать и отправлять информацию, а также воздействовать на процесс принятия решений. Меняя длину волн и посылая их дискретно с разной интенсивностью, можно улучшить способности человека и ускорить его обучение. Он получает возможность быстрого усвоения материала, минуя затратные по времени способы простого запоминания. По желанию может извлекать огромное количество материала прямо из мозга или имплантатов. Основная профессиональная информация хранится на имплантатах, так как мозг обычно разгружает себя и стирает информацию. Нужная информация также передается в мышечную память и закрепляется там, минуя процесс многократного повторения. Все процессы происходят с помощью Р-300.

Ну что же, теперь мне, по крайней мере, стали понятны некоторые неясные моменты. И люди, и те, кто создал Шизу, смогли обнаружить эту волну и использовать ее в одном направлении, только человечество пошло по пути техническому, а неведомые создатели Шизы по пути биологическому. Принцип был один, только методы разные. Значит, все вселенные развиваются по одним и тем же законам, но используют разные пути прогресса. Это говорит о том, что где-то должно быть управляющее воздействие на развитие, раз существуют законы, неизменные по своей сути. Значит, должен быть и кто-то изначальный, кто эти законы установил и запустил механизм разнообразия во вселенной, которая развивается в строгом соответствии с ними. Вот к такому философскому выводу я пришел, слушая Шизу. Кроме того, если подумать над известными фактами и раскинуть мозгами, то можно увидеть, что существует такая вещь, как ДНК, весьма сложная организованная структура, и, к примеру, табуретка, сделанная человеком. По сложности они отстоят друг от друга так далеко, как небо от земли. Но сколько бы человечество ни ждало, из полена путем эволюции табуретка не получится сама собой. Ее надо сделать. Что уж говорить о ДНК.

Незаметно для себя я уснул. Видимо, размышления на тему, что первично – яйцо или курица, на меня действовали как снотворное. Надо бы навестить трактир, засыпая, подумал я, и встретиться с Марком.

Ганга с любопытством осмотрела свои покои. После того как Ирридар ушел, оставив их с Рабэ одних, к ней подступило чувство одиночества. Эти стены вместо привольной степи, люди вместо орков немного выбивали ее из равновесия. Она вздохнула, прошлась по комнатам, открыла шкафы, неопределенно хмыкнула, разглядывая пустые полки, и подошла к окну. Оно выходило во внутренний двор трактира, видны были поленья дров, сложенные вдоль стен и освещенные висевшим над дверью фонарем. Ну что ж, вздохнула она, придется привыкать к этим людям, к этому миру. К разлукам с этим толстокожим, который не хочет или не может разглядеть ее чувства. Она повернулась к служанке.

– Рабэ, я ложусь спать, а ты можешь заняться своими делами. Только помни, что сказал хозяин.

Она не стала напоминать, что именно велел Ирридар, он наговорил слишком много и слишком много навалил на нее всего и сразу, и это мешало ей спокойно воспринять все, о чем он ей рассказал. Но общение с дедом, который открывал ей тайны шаманского мастерства, приучило ее реагировать не паникуя и обдумывать услышанное. Демоница-служанка – это было в духе неугомонного, но заставляло ее остерегаться.

Служанка поклонилась и вышла. Ганга разделась, потушила светильник и залезла под одеяло. Это была первая ночь, которую она проводила у своего жениха на правах невесты. В этом она уже не сомневалась, Ирридар открылся ей, как открываются только близкому, кому доверяешь.

Рабэ с радостью покинула свою госпожу и направилась вниз. Она быстро обошла второй этаж – здесь было несколько покоев, предназначенных для хозяина и управляющего трактиром. В коридоре она столкнулась с худой нескладной девушкой, которая удивленно на нее посмотрела и спросила:

– Вы кто?

Демоница потупила глазки и скромно ответила:

– Я служанка невесты тана Ирридара. Вот, вышла осмотреться, где что находится, где можно набрать воды и подогреть ее, где отхожее место. Есть ли запасные выходы, и где можно перекусить...

– Очень рада вас видеть, рена, я Цинея, дочь управляющего трактиром и жена его помощника рена Кабрама. Я охотно вам все покажу.

Она провела служанку по всему трактиру, представила ее другим слугам и, вежливо попрощавшись, удалилась. Рабэ попросила повара покормить ее и, усевшись за стол, принялась непринужденно болтать. Остальные слуги, которые поначалу отнеслись к ней настороженно, видя ее открытость и словоохотливость, успокоились. Им была интересна новая госпожа, которая осталась наверху и которая будет здесь постоянно жить, наблюдая за ними. Рабэ рассказывала, что невесту хозяин получил в награду, как самый достойный. Рассказывать она умела, и слуги слушали ее затаив дыхание, пока их не разогнал муж Цинеи. Он искоса взглянул на демоницу, но ничего не сказал, он уже знал, что та как-то будет за ними следить. Когда все ушли, девушка стала строить глазки помощнику повара.

– Тебя как зовут, красавчик? – Она призывно улыбнулась и наклонилась, будто ища что-то под ногами. Ее груди почти вывалились из декольте.

Парень зарделся и, заикаясь, сказал:

– Мушаг, рена.

– Какое у тебя мужественное имя – Мушаг. И у тебя такие сильные руки...

Парень вконец стушевался и, нарезая овощи, чуть не порезался.

– Я могу тебе помочь, красавчик. Моя хозяйка улеглась спать, а мне все равно делать нечего. – Она встала рядом с ним, взяла второй нож и очень быстро стала шинковать капусту. Ее бедро как бы невзначай прижалось к его ноге, и парень застыл.

Заглянул повар, увидел, как ловко орудует ножом новая служанка, и похвалил:

– Молодец, Рабэ. Вижу, что ты не белоручка. Учись, Мушаг, как надо резать овощи. – Забрал таз с нарезанными овощами и вышел.

К ночи демоница уже знала, кто сколько ворует и кто с кем спит. Например, Кабрам, муж Цинеи, оказывал внимание разбитной молодке лет тридцати, которая работала подавальщицей в зале. За ласки, которыми она его одаривала, он позволял ей уносить остатки еды, а иногда одаривал деньгами. Кабрама ненавидели все за его жадность и подлость, он перехватил управление трактиром и не выплачивал полное жалованье, штрафуя обслугу за каждый промах. Причем деньги оставлял себе. Кабрам и Цинея снимали несколько комнат в доме недалеко от трактира. Цинея, которая пела в трактире, уходила первой, а Кабрам уходил поздно вечером. Он выгонял всех и иногда запирался с молодухой в подвале. Охрана ночевала тут же, в цокольном помещении, и после его ухода запирала трактир.

Узнав, что хотела, демоница отправилась отдыхать с чувством выполненного долга. У нее был хозяин. Жестокий и властный, такой, каким и должен быть господин, и она готова была ему служить верой и правдой, если это применимо к демонам.

Весь следующий день Ганга слонялась по трактиру. Она была отличной хозяйкой по орочьим меркам, но мало понимала в делах людей. Она наблюдала, как сновали по трактиру слуги, как трудился повар, никто не сидел без дела, и даже Рабэ помогала подавальщицам, когда случался наплыв посетителей. Делала она это легко и непринужденно, со смехом отбиваясь от приставаний, и ей всегда оставляли деньги сверх стоимости заказа. Управляющий трактиром Изьякиль спустился один раз, посмотрел, как идут дела, раскланялся с Гангой и ушел. Всем заправлял стоявший за стойкой толстяк с живыми хитрыми глазками. Когда к нему в очередной раз подошла Рабэ, чтобы заказать пиво и отнести клиенту, тот ее задержал и что-то прошептал. Рабэ стрельнула глазками по сторонам и кивнула. Ганга, зная, что та выполняет указание ее жениха, только усмехнулась: Кабрама ждет нелегкая судьба.

Ганга задумалась о том, как ей жить дальше. Живя в стойбище среди орков, она не беспокоилась о том, что ей надеть и в чем выйти из юрты. Она была неприхотлива, и все, что ей было нужно, это кожаные штаны или такая же кожаная юбка на праздник, шелковая рубашка и поддоспешник под кольчугу. Жизнь была простой и понятной. Но среди людей так ходить не получится, она будет вызывать к себе лишний, ненужный интерес. А она хотела его избежать. Мать умерла рано и не успела рассказать ей о человеческих обычаях, но Ганга по природе оставалась женщиной, ей хотелось нравиться своему жениху, быть красивой и нарядной, она с ревностью приглядывалась к Цинее, оценивая ее наряды, и в конце концов решила обратиться к Ирридару по поводу одежды и всего остального. Но что это все остальное, она не знала. Пожив у Овора, она пообщалась с девушками, но те приняли ее настороженно и особо не откровенничали. А Лия относилась к нарядам просто, одела всех в одинаковые платья, правда, из хорошей ткани, пошитые на заказ. И никто не выразил вслух своего недовольства, но надо было видеть лица девушек после того, как управляющая ушла. Вот в таком платье, выданном Лианорой, сейчас была Ганга. У нее были деньги, которые дал ей Ирридар, тысяча золотых корон, и она хотела их потратить на то, чтобы приодеться. Но сначала она хотела поговорить с Ирридаром, может, он что посоветует.

Ирридар пришел в трактир вечером. К ее удивлению, жених был в синей мантии и без оружия. Она его уже не представляла без кожаного колета, меча, кинжала и его неизменной сумки. На ее взгляд, он выглядел странно. Загорелое исхудавшее лицо, большие синие глаза, твердый подбородок с ямочкой, широкие плечи и синяя мантия, которая балахоном болталась на нем и смотрелась чем-то чужим и инородным. С порога юноша осмотрелся и, увидев неве-

сту, решительно направился к ней. Подойдя, изобразил легкий поклон и уселся. Шляпу положил на стол и, пригладив длинные черные волосы, внимательно оглядел Гангу.

– А знаешь, дорогая, платье тебе идет больше, чем кожаные штаны и кольчуга. Никогда не скажешь, что ты орчанка. Ты больше похожа на лигийку и чем-то на мою мать. – Он о чем-то задумался. – Так в тебе есть кровь лесных эльфаров? – с вопросительными интонациями проговорил он и как-то по-новому на нее посмотрел.

Но Ганга правильно расценила его взгляд и спокойно ответила:

– Лесные не убивают смесок орков и эльфаров. Мы первородные. – Она гордо приподняла голову.

– Да знаю я, слышал, – усмехнулся нехеец, – это вы соль земли, а мы, люди, так, плесень. Ну хоть одной проблемой стало меньше, – прокомментировал он слова Ганги. Увидев Рабэ, поманил ее пальцем, одновременно спрашивая Гангу: – Как твои дела? Чем занималась?

– А чем тут можно заниматься, весь день просидела в зале и смотрела на посетителей. Вся обслуга работает без устали. А мне нечего надеть, кроме этого платья и кожаных штанов, что тебе не нравятся.

Я смотрел на мою невесту и любовался ею, в ней была утонченность лигийки, изысканность лесной эльфарки и дикость дитяти степи. Она говорила то, что думала, и это было для нее нормой. Но когда она закончила рассказ о том, как провела день, словами, что ей нечего надеть, я рассмеялся. Все-таки она женщина, а не воин.

– Хорошо, поехали, я отвезу тебя в один салон, там ты сможешь приодеться. Возьми с собой Рабэ, думаю, демоницы прекрасно разбираются в нарядах.

Служанка уже стояла рядом и согласно кивнула.

– Да, ваша милость, я действительно разбираюсь в моде человеческих самок. Ой, простите, женщин. – Но на ее хитрой мордочке не было и капли сожаления об оброненных случайно словах.

– Тогда иди и найди нам экипаж, – отправил я ее бегать по улице в наказание за колкость.

Но Рабэ подошла к охраннику, и тот, выслушав ее, пулей выскочил из трактира. Ага, как же, будет она бегать по улице, подумал я, она скорее «погасит жар в чреслах» всех мужиков, что работают в трактире, чем станет гоняться за извозчиком. Но вмешиваться в методы работы демоницы я не собирался, мне от нее нужен был результат, а какой ценой это будет достигнуто, по большому счету мне было безразлично. Я был уверен, что она уже собрала сведения, кто, когда и сколько тащит из трактира. Начиная с толстяка Кабрама и заканчивая полomoйкой. Когда я вошел, толстый идриш изобразил подобострастие на своей сальной морде, но, подумав, что я не смотрю на него, обозлился и сплюнул в угол. Вот еще одно слабое звено. Этот предаст первым и охотно станет сотрудничать с любым, кто будет против меня. Если бы не Циня, которая души в нем не чает, отдал бы его Рабэ на завтрак.

– Рассказывай, что узнала, – велел я демонице, когда мы ехали в салон мадам Версан.

– Ваша милость, всем трактиром заправляет Кабрам, он отодвинул старого Изю, и тот был рад снять с себя это бремя. Все работники его боятся как огня, он не только ворует у вас, но и обирает всех, отнимая у них часть жалованья. Кроме того, он переспал со всеми работницами и принимает на работу, только если те пройдут через подвал. Но чаще всего он забавляется со старшей подавальщицей, а та приводит новеньких, когда какая-то из прежних работниц ему надоедает.

– Вот гад! – разъярилась Ганга. – Я его убью! – Она с вызовом посмотрела на меня.

– Не надо, дорогая, он муж девушки, которая и так в жизни настрадалась, она его искренне любит.

– У таких жен всегда мужья козлы! – вставила свои три копейки в обсуждение идриша демоница. – Ох, какие они вкусные! – Она облизнулась. – Жаль, что его душу нельзя забрать.

– Мне тоже жаль, – не стал спорить я, – но я покажу тебе место, где ты сможешь охотиться сколько захочешь, а его не тронь.

– Он меня сегодня в подвал приглашал, вот золотой дал, – показала она монету.

– Когда вернемся, ты его туда позови, там мы с ним и поговорим. Надо же, целый золотой! – удивился я. – От этого скупердяя дожидаться такого щедрого подарка просто немыслимо.

– Он просто боится госпожу и хочет через меня знать, что она предпримет, поэтому и подкупает, тем более за ваш счет, – рассмеялась Рабэ. – Он обсчитывает посетителей. На пиво и вино делает свои наценки и разницу забирает себе. Кроме того, по завышенным ценам закупает продукты, и разницу ему тоже отдают торговцы, лишь бы только он брал у них. Еще он покупает несвежее мясо и держит его в уксусе, а пишет, что купил высший сорт. Да много еще чего.

Да уж, подумал я, какой предприимчивый проходимец и не боится. Пристроился к Цинее и в статусе зятя управляющего обдирает владельца трактира. Как минимум на десять лет с конфискацией имущества он заработал.

Придется Изю ткнуть носом в это дерьмо, а то, я вижу, совсем барином стал, спит и ест как жирный кот. Мышей не ловит, вот что сытая жизнь с людьми делает. Пропадает стремление к росту, появляется лень и равнодушие к делам. Ну ничего, я это поправлю.

У мадам Версан нас встретил Томас, он вышел важный, как китайский мандарин, еще более толстый и еще более лысый. Узкие глазки скользнули по нам, его морда скривилась на какое-то мгновение, а потом он взвизгнул как поросенок и опрометью бросился вглубь салона.

– Узнал, дружище! – радостно сообщил я спутникам. – Видите, какой ловкий, настоящий охотник.

– А куда это он помчался? – удивленно спросила Рабэ.

– Пошел собирать вещи, думает, что поедет на охоту. Пойдемте, теперь мы его долго не увидим.

Я первым вошел в салон. Нам навстречу выплыла сама элегантность в обличье тридцатилетней мадам Версан.

– Тан Ирридар, вы опять пугаете моего Томаса? Ни на какую охоту он не поедет. – Она мило улыбнулась.

– Вообще-то я и слова не успел сказать, мадам, – поклонился я. – Просто Томас слишком увлекается сборами на охоту, вот и сейчас он убежал собирать вещи. – Я развел руками, показывая, как я огорчен, и тоже изобразил вежливую улыбку. – Вы ему скажите, что я еще не скоро вернусь в Нехейские горы.

– Ох, тан, он вас так боится, не будьте с ним так суровы. – Мадам Версан укоризненно посмотрела на меня, мельком бросила взгляд на моих спутниц и спросила: – Вы по делу или просто так, в гости?

Взгляд Ганги вспыхнул опасным огнем. А я понял, что «королева стиля» отомстила мне за Томаса, поддразнивая Гангу. Женщины всегда чувствуют слабые места и стараются на них надавить при случае. Рядом со мной стояла еще одна красавица, причем моложе ее на десяток лет. Мадам не смогла сдержать ревности и приветствовала меня фразой, в которой можно было уловить, если захотеть, двусмысленность. Гангу она словно не замечала, игнорируя ее. В этом вся женская натура. Каждая женщина считает себя незаменимой, но при этом нисколько не сомневается в своей способности заменить любую другую женщину.

Понимая, что в гневе Ганга может и прибить городскую «фифу», как выражалась моя бабушка, я перешел к делу.

– Мадам Версан, разрешите представить вам мою невесту Гангу Тох Рангор, будущую тану Аббаи. – Этими словами я сразу потушил пожар войны и спас мадам.

– Очень приятно, – сосем другим тоном произнесла женщина и с ожиданием посмотрела на нас.

– Мадам, я хочу, чтобы моя невеста выглядела элегантно, но не вычурно. Чтобы у нее было много одежды на все случаи жизни. Кроме того, нужно достойно одеть ее служанку. Ну и еще у меня к вам личная просьба. – Я с улыбкой посмотрел на женщину. – Моя невеста воспитывалась у орков, в семье великого шамана. Она может легко отрезать голову любому, если заподозрит в словах или в поведении оскорбление своей чести... – Я помолчал, любясь тем, как побледнела мадам. – Но совершенно не знает, как должна вести себя светская женщина. Могли бы вы взять на себя труд помочь... – Я посмотрел на Гангу, которая еле сдерживалась, чтобы не убить кого-то из нас. – Моей любимой... – Из девушки словно выпустили пар, она зарделась и смущенно потупилась. – Невесте освоиться. Конечно, это будет оплачено мной, но и Ганга тоже весьма обеспеченная девушка.

Мадам пришла в себя и улыбнулась.

– Ну конечно, тан Ирридар, я с радостью помогу вашей невесте подобрать гардероб и освоиться. Такая красавица просто обязана блистать в обществе.

– Тогда я оставлю вас, а сам пойду к Увидусу. Когда закончите, пошлите кого-нибудь сообщить. – Я тоже улыбался в ответ.

– Это времени много не займет, – заверила Ганга, – пара платьев, штаны и рубашка – вот и все, что мне нужно.

Мадам Версан, услышав ответ орчанки, растерянно посмотрела на меня.

– Слушайся мадам во всем, она лучше знает, что тебе нужно, дорогая, – наказал я девушке, и та вынуждена была смириться.

Как же, штаны и рубашка, подумал я. Теперь до глубокой ночи не оторвать от платьев, чулок, бантов и белья. Уж я-то знаю, как они обходятся штанами и рубашкой. Хорошо, что еще мамы не было на горизонте.

– Шарфик, туфельки и сумочка, – как мантру повторил я, только как можно тише, и ушел.

Я сидел в подвале и ждал Рабэ, которая должна была привести Кабрама. Толстяк здорово обнаглел, почувствовал власть и упивался ею. Мне претило то, что он, будучи идришем, гнобил и обирал своих соплеменников, которым повезло в жизни меньше, чем ему. Я лишь удивлялся равнодушию Изи, который, наверное, понимал, что творит зять, но не вмешивался. Один народ, общая беда, казалось бы, держитесь вместе и поддерживайте друг друга. Но в жизни происходит совсем не так, как хотелось бы. Идриш, которого еще недавно презирали и гнали другие народы, теперь сам пользовался бесправным положением соплеменников. Он ловко набивал кошелек, отбирая честно заработанные деньги, но закрывал глаза на то, что они вынуждены были тащить все подряд из трактира. А что ему было волноваться, это же хозяйское, зато давало возможность держать их на коротком поводке и иметь возможность выгнать или даже посадить в тюрьму за воровство. Трактир был наполнен страхом и отчаянием за внешним лоском благополучия, я это чувствовал по ауре.

У меня было два выхода: отдать негодяя Рабэ или провести ритуал кровной связи. Я выбрал второе, но, понимая, что это заденет и меня, решил его изменить. Об этом я думал, когда вернулся в академию после того, как прождал Гангу и демоницу до глубокой ночи. Как я и ожидал, женская натура моей невесты взяла верх. Ее было не оторвать от нарядов и прочих тряпочных радостей, что наполняют половину каждой женской души, вторая ее половина наполняется счастьем, по моему глубокому убеждению, когда она сможет испортить жизнь мужику.

Я уже подумал, что они там на всю ночь останутся, и Увидус только рассмеялся, когда узнал, что я жду девушек, которые остались у мадам Версан.

– Раньше полуночи не жди, Дар, – авторитетно сказал он. – Я женат уже пятьдесят лет, и, когда моя Ронгарочка уходит гулять по магазинам, я закрываюсь на переучет.

– Это зачем?

– Тут, сынок, две причины. Первая, это чтобы она не потащила меня с собой, я терпеть не могу часами торчать рядом, когда она выбирает себе наряды или украшения, ты не представляешь, какая это мука. Вторая причина – у меня есть время, чтобы свести приход и расход. Ронгарочка выгребает все подчистую и мне... кхе-кхе, – тихо засмеялся он, – не оставляет даже серебряка. А как жить без заначки? Никак, сынок! Это не жизнь, это катастрофа. Вот я и ловлю момент.

Я с удивлением смотрел на дворфа, который был крутым мужиком в моем понимании и побаивался своей жены, отдавая ей все финансы. Блин, огорчился я, все как у нас. Хотя мир и магический, а отношения между мужчиной и женщиной те же самые.

– А где Лана? – спросил я, сообразив, что не вижу его племянницы.

– А, – отмахнулся Увидус, – перестала думать о глупостях и вышла замуж. Велела перестать, что она обязательно плюнет в бочку, куда ты собираешь кровь девственниц. Кстати, а зачем ты это делаешь? Практикуешь магию крови? – Он с любопытством посмотрел на меня.

Сколько раз я ругал себя за неосторожно сказанные слова. Они не теряются со временем, наоборот, обрастают подробностями и продолжают жить своей жизнью, портя жизнь мне. Я сморщился, как будто сожрал что-то горькое, и ответил:

– Уважаемый Увидус, это была просто шутка.

– Ну конечно, я тоже так подумал, – охотно согласился дворф, бросив на меня хитрый взгляд, в котором было столько сомнения, что можно было утопиться.

На обратном пути из салона мадам Версан девушки без умолку восторженно щебетали. Обе были в обновках, у их ног лежали коробки, пакеты и свертки, а на раскрасневшихся лицах был отпечаток совершенного счастья.

– Ты не представляешь, сколько всего мы набрали, а еще заказали, – закатила глаза Ганга. – Урсула такая женщина... – Она замолчала, подбирая слова, и, не найдя достойного определения, махнула рукой. – В общем, не важно, когда приедем, я все надену и тебе покажу.

– Не забудьте, мадам, чулочки, подвязочки и эти модные шелковые трусики, что вы приобрели. Они больше открывают, чем скрывают, – высказала свое мнение Рабэ и вогнала девушку в такую краску, что я думал, она сейчас вспыхнет и сгорит.

– Замолчи, дура! – прошипела Ганга, отвернулась и так просидела до самого трактира.

Я, опасаясь, что мне будут демонстрировать обновки, посадил их у трактира и, сославшись на то, что время позднее, уехал. План, как действовать следующим вечером, мы с демоницей обсудили по дороге.

И вот я сидел в засаде и чувствовал себя глупо. Сторожить обычного помощника трактирщика – это было не только глупо, но и противно. Но что поделаешь, я не хотел разрушать счастье Цинеи, которая когда-то готова была пойти в бордель, лишь бы я поверил ее отцу. Мне захотелось, чтобы эта нескладная девушка была счастлива как можно дольше. Поэтому я ждал этого «властелина», чтобы испортить жизнь ему.

– Подождите, мы еще не пришли, господин Кабрам, – услышал я шепот, находясь под «скрытом».

И почти сразу появилась парочка – помощник управляющего в обнимку с Рабэ. Его рука пыталась задрать подол платья демоницы, а та притворялась скромницей, но не слишком энергично отбивалась.

– У тебя будет все, что ты пожелаешь, – пыхтел Кабрам. – Я накопил достаточно денег. Мы уедем отсюда, подальше от малолетнего уroda, я открою свой трактир...

Договорить он не успел. Малолетний урод, это, конечно, был я. Поэтому, не дожидаясь дальнейших оскорблений, я вышел из «скрыта» прямо у него под носом. А то, не дай бог, не выдержу и прибью подлеца.

Кабрам вытаращился и попятился. Толстый идриш робко прятал тело жирное среди бочек, он пытался с ними слиться, подвывая, словно филин. Рабэ жестко схватила за шкуру испуганного идриша и притащила ко мне.

– Клади его на лавку, – приказал я демонице, и та, словно перышко, швырнула тяжелую тушу зятя Изи на лавку, которую он приволок сюда для занятий запретной любовью. – Оглуши его, – приказал я, видя, как извивается Кабрам. – Еще, чего доброго, помрет или сойдет с ума.

Рабэ двинула ему в челюсть, идриш слетел с лавки и затих.

– Ты что наделала?! – всполошился я, глядя на неподвижно лежащего Кабрама.

– Это хук левой, – похвалилась она. – Если бы я ударила правой...

– Это уже был бы не хук, – продолжил я за нее, поднимая толстяка.

– А что? – Демоница рассматривала свой кулак, стараясь разгадать, что бы это могло быть.

– Это был бы для него полный... – не задумываясь ответил я, одновременно очищая вонючего Кабрама заклинанием идришей.

Рабэ застыла, подняв голову к потолку, и пыталась, видимо, разгадать мою загадку. Она беззвучно шевелила губами, но я уже приступил к ритуалу, выбросив ее из головы.

Когда в академии я продумывал, как поступить с идришем, то решил кровную связь наложить с демоницей и уже через нее воздействовать на идриша.

Естественно, реакция Шизы была предсказуемой.

– Ты сумасшедший. Ты хоть представляешь, что из этого получится?

– Получится хорошо! – безапелляционно ответил я. – Это будет научный эксперимент. Сдохнуть он не сдохнет, зато я не смешаю свою кровь с кровью этого выроodka. Мне противно, это раз, кроме того, не хочу заразиться от него, это два.

Я ушел в боевой режим, а когда вышел, на груди Кабрама был вырезан ножом художественный рисунок, идеально пропорциональный.

– Давай руку, – сказал я Мардаибе.

Она осторожно, с опаской протянула ее и закрыла глаза. Я смело полоснул по вене. Кровь брызнула и разлилась по груди идриша, накрывая рисунок. Я завел речитатив. Кровь задымилась. Рисунок вспыхнул и загорелся темным пламенем, Кабрам застонал, а я усилил голос, завершая заклинание.

К моей радости, Кабрам по окончании ритуала не помер. Он таращился в потолок, его лицо, лишенное отпечатка осмысленности, было пустым, как будто все мысли и разум покинули его. Я магическим зрением посмотрел на его ауру. Она была бирюзовой и стянута тонкой красной полосой. Сложив руки на груди, я с интересом смотрел на то, что получилось. Еще бы понять, что бы это значило...

Вообще, у каждого народа аура имеет свой цвет. У людей она небесно-голубая, у демонов красная, у орков темно-зеленая. У эльфаров из леса она просто зеленая, а у снежных эльфаров – бледно-зеленая. У дворфов коричневая, а у дзирдов синяя. А у пройдохи Кабрама было сразу две – и как это понимать?

– Мардаиба, скажи ему, чтобы он поморгал, – приказал я.

– Чего разлегся? Моргай давай, кусок жира! – У демоницы был свой подход к толстяку, и она не собиралась соблюдать политес.

Кабрам усиленно заморгал, а в его ауре появилась красная точка с голубой каймой. Интересно, когда я работал с другими и использовал свою кровь, то такие точки появлялись однорядные, цвета моей ауры. Здесь опять двойная.

Ладно, будем экспериментировать дальше, решил я, раз он не помер во время ритуала, то теперь, надеюсь, тоже не помрет, видно, что толстяк живучий, как сто демонов из преисподней.

– То, что сейчас буду говорить, ты будешь передавать ему, – приказал я Рабэ. – Итак, он должен быть преданным мне, Ирридару Тох Рангору. Если он надумает обмануть, предать словом или делом, то должен будет умереть от остановки сердца.

Мардайба все это повторяла за мной, как клятву, громко и торжественно.

– Он должен быть честным и проворным в работе, – продолжал я, – не обманывать работников, не вступать с ними в половую связь.

– Это что за связь? – уставилась на меня демоница.

– Он не должен с ними совокупляться, – пояснил я. Здесь не существовало понятия полов, женщина – это женщина, мужчина – это мужчина, без всяких там полов. Пол – это пол из досок или камня, и никакой двусмысленности.

– С мужчинами он тоже не должен совокупляться? – уточнила демоница. – Среди работников они тоже есть.

– С ними тем более, – сурово ответил я и продолжил: – Он должен вести дела честно, любить свою жену и оберегать ее, уважать тестя. К работникам быть строгим и справедливым. Нерадивых должен наказывать, добросовестных поощрять. Все наворованное должен вернуть владельцу трактира. Он становится управляющим трактиром, а Изя его помощником. – Я замолчал и стал изучать Кабрама. Теперь его аура напоминала космос с планетами, заселенными микроскопическими жителями, а может, еще меньше. – Пусть встает и приступает к работе, – вздохнул я. – Посмотрим, что получилось.

Кабрам услышал команду и встал. Теперь его глаза были наполнены преданностью и страхом. Сначала он поклонился мне:

– Рад служить, хозяин. – Потом посмотрел на Рабэ и спросил: – Еще есть какие-нибудь приказания, госпожа? – Вел он себя вполне осмысленно, только теперь у него был хозяин и госпожа. Так сказать, издержки нового ритуала.

Довольная демоница похлопала его по щеке:

– Пока нет, малыш. Как появятся, я скажу, а пока иди работай.

– У меня оплата останется прежней или я могу себе взять оплату Изьякиля? – спросил он, и его глаза странным образом одновременно посмотрели один на меня, другой – на Мардайбу.

– Раз ты теперь управляющий, то его плата твоя, ему назначишь сам. Ступай! – приказала она.

Кабрам поклонился нам обоим и удалился спокойной, уверенной походкой человека, не обремененного сомнениями.

– Интересно, сколько он Изе положит жалованья? – произнес я.

– Он тестя не обидит, сколько тот наработает, столько и даст, – ответила демоница. Она участвовала в запрещенном ритуале и была почти счастлива.

– Иди за мной! – приказал я и пошел вглубь подвала, где стояли бочки с вином. Отодвинул одну бочку и показал на открывшийся лаз. – Там большие подземелья, и в них часто появляются плохие люди. Вот их ты можешь жрать сколько душе угодно. Но не часто! – добавил я, подумав, что она сожрет весь бомонд Азанара. – И будь осторожна, под личиной служанки Рабэ там не появляйся. Я не хочу, чтобы связали тебя или нас с демонами.

У Мардайбы алчно вспыхнули глаза.

– Я все поняла, хозяин.

– Пойдем, нас ждет второй акт трагедии «Низвержение кумира».

Не успели мы усесться за столом в зале, где нас ждала Ганга, как сверху раздался удивленный вой и появился Кабрам, который вежливо, но при этом за шиворот тащил Изьякиля и уговаривал того:

– Папа, теперь я управляющий, а вы будете стоять за стойкой и наливать напитки. Вы уже старый и другого дела не потянете.

Изя возмущенно упирался и пытался что-то сказать, но у него вырывался только звук, похожий на «оуо». Тут старый идриш увидел меня, извернулся и со всех ног помчался к нам, я даже не ожидал от него такой прыти.

– Ваша милость, босс! У нас тут бунт! Смотрите, это самозванец! – Он указал дрожащим пальцем на зятя. – Короче, я его увольняю. Ты уволен, морда идришская! – крикнул он из-за моей спины.

Но Кабрам только улыбнулся.

– Вы, папа, лучше собирайте вещи и переходите в другую комнату, я вам приготовлю рядом с помещением для охраны, вам и наверх не надо будет подниматься. А Циня будет жить здесь, со мной.

– Иди, Кабрам, работай, мы тут с папой сами разберемся, – сказал я и взмахом руки отправил его заниматься делами трактира. Такой деятельный управляющий очень может быть полезен, если учитывает интересы хозяина.

Кабрам поклонился и с достоинством ушел.

Я перевел взгляд на старика и сухо приказал:

– Присядьте, Изьякиль.

Изя, пылая возмущением и шипя как чайник, уселся.

– Это же надо, войти и сказать: «Папа я теперь управляющий, идите за стойку!» Вы это слышали? – обратился он к нам, ища сочувствия и поочередно обводя наши лица взглядом, в котором отражалась вся несправедливость, произошедшая с ним.

– Это мое распоряжение, Изьякиль, – спокойно ответил я и придавил идриша тяжелым взглядом.

Тот даже поперхнулся от этой новости. Несколько секунд недоуменно смотрел на меня, а потом начал сдавать зятя с потрохами.

– Босс, вы не можете так поступить! – наконец вымолвил он и сглотнул комок, который застрял у него в горле.

– Почему? – изобразив удивление, спросил я. – Кабрам твердой рукой управляет трактиром, у нас неплохая прибыль. Он молод, предприимчив, а вы старый и больной.

– Ваша милость, да Кабрам вор и мошенник! Он ворует ваши деньги, как можно ставить его управляющим? Если бы не я, он давно бы вас разорил! – Изя посмотрел на меня как на несмышленища.

Действительно, удивительный народ эти идриши, своеобразный.

– Изя, пока ты был управляющим, я дважды заплатил за перестройку трактира, – начал перечислять я его прегрешения. – Ты сам поставил себе помощником вора и, зная об этом, смеешь утверждать, что я должен быть тебе, недоумку старому, быть благодарным за то, что не даешь ему меня пустить по миру? Кабрам с твоего позволения покупал порченное мясо, вымачивал его в уксусе, а отчитывался как за высший сорт. Он по завышенным ценам приобретал продукты и разницу забирал себе. Он обирал работников и разрешал им воровать в трактире, да многое еще чего, о чем я не хочу говорить. Мне остается тебя выгнать или повесить на столбе, как тех, кто пытался устроить здесь погром. Но я бываю добрым, и поэтому ты еще жив.

Изя онемел, не в силах справиться с охватившим его изумлением. Я ему не мешал.

– Но... если вы все знаете... то почему...

– Ты имеешь в виду, почему я, зная его вороватую натуру, поставил его управляющим?

Идриш сглотнул, силясь протолкнуть комок, застрявший в горле, и только согласно кивнул.

– Он обещал быть честным, – как можно спокойнее ответил я.

Казалось, идриша хватит удар. Он несколько мгновений таращился на меня, а потом спросил с такой долей скепсиса в голосе, что можно было по нему пускать океанские корабли, если бы они могли в нем плавать:

– И вы ему поверили?

– А ты, идриш, если окончательно не выжил из ума, посмотри на мое окружение. Изя, я умею быть убедительным.

В это время подошел Кабрам, спокойный и величавый, как слон, и положил на стол несколько мешочков, которые приятно звякнули.

– Здесь три тысячи золотых, – сказал он. – То, что я у вас украл, ваша милость.

Я кивнул и вернул ему один мешочек.

– Это приданое для Цини от меня.

Кабрам радостно схватил кошель и посмотрел на Изю.

Я перехватил его взгляд и усмехнулся.

– Идите, Изя, работайте.

Мы остались за столом втроем. Ганга надела новое платье и, пряча взгляд, исподтишка наблюдала мою реакцию. Зная, что равнодушным оставаться нельзя, я выразил свое восхищение:

– Моя дорогая, ты просто великолепна! Я не видел большей красоты.

Девушка от удовольствия зарделась, но капризно ответила:

– Ты обманщик, я уже четверть часа сижу рядом, а ты и глазом не повел в мою сторону.

– Давай договоримся сразу, милая Ганга: я мужчина, меня восхищают женщины, а не тряпки и кружева, в которые они одеты. Не жди от меня постоянного восхищения. Будь просто хорошей, умной невестой, а потом достойной женой. Красотой тебя наградил Творец, это не твоя заслуга. Конечно, я хочу тебя видеть в красивых платьях, которые только будут оттенять твою красоту. Но не уподобляйся тем женщинам, которых хвалят за внешность. Пусть тебя хвалят больше за ум, преданность и верность.

Во как я выдал ей нравоучение! Ганга растерянно уставилась на меня. А Мардаиба пошла на подхалимаж.

– Ах, хозяин, как вы красиво говорите! – Она даже всплеснула руками. – Но на белье вам стоит посмотреть, это новейшая модель из эльфарского тончайшего шелка. Как жаль, что я не могу себе такого позволить! – наигранно вздохнула она.

– Если он посмотрит на мое белье, то обязан будет тут же взять меня в жены, – сразу посуровела Ганга. – А у тебя хвост в трусах не поместится, – отбрила она демоницу и взглянула на нее как на предательницу.

Понимая, что разговор перешел в опасную для меня плоскость, я заторопился:

– Нет-нет, белье я смотреть не буду. Я еще маленький, и потом у меня важная встреча.

Встал, поклонился и был таков. Последнее, что я услышал, были укоризненные слова Мардаибы:

– Хозяйка, так вы до старости замуж не выйдете. С мужчинами нужно быть обходительнее, хитрее, тогда они становятся мягкие как воск и из них можно лепить что хочешь...

Я только головой покачал: демонов даже могила не исправит.

Моим следующим собеседником стал Марк Чарый.

– Слушай меня внимательно, Уж. Тебе предстоит первое, но очень важное задание. Нужно проследить за одной студенткой. С кем она встречается, хорошо, если удастся подслушать разговоры. Надо узнать как можно больше о тех, с кем она встречается.

Я наложил на себя иллюзию Эрны. Марк отпрянул, когда перед ним вместо босса появилась довольно привлекательная молодая особа с серьезным взглядом и в синей мантии. Потом она мгновенно сменила одежду и была уже в платье и короткой шубке мехом внутрь, обшитой сверху бархатом. Девушка несколько раз повернулась и моим голосом спросила:

– Запомнил, Марк?

Разведчик наконец пришел в себя и, смеясь, ответил:

– Запомнил, босс, но вы хотя бы предупреждайте, что поменяете обличье.

В следующее мгновение перед ним снова был молодой барон.

– Марк, я тебя прошу быть предельно осторожным, она обучена выявлять слежку, и те, кто с ней встречаются, тоже могут быть очень опасны. – Я внимательно посмотрел на него и повторил: – Будь осторожен, не спугни и не подставляйся. Это первая твоя задача. Вторая будет такой. Найди мне в центральной части города подходящий большой трактир, который я смогу выкупить. Узнай, кто из бандитов там собирает дань. Потом найди даму из полублагородных, не молодую, но и не старую, лет тридцати – тридцати пяти, такую, которая станет там управляющей. Я хочу открыть салон для аристократов.

Уж подумал и спросил:

– Вы хотите сделать салон, как у мадам Ви-Ви?

– Нет, Марк, – рассмеялся я, – бордель делать не будем, но танцовщиц и певиц тоже ищи. Это будет салон с танцами-песнями и хорошей кухней. Аристократы будут есть и пить, а их будут развлекать.

Марк кивнул:

– Понял, босс, сделаю.

Два дня прошли спокойно. Я присматривался к вассалам, но ни у кого не видел в чувствах и ментале ненависти или отрицательных эмоций по отношению ко мне. Все были рады, что я вернулся. Немного успокоившись, решил навестить поместье Овора и узнать про Вирону. Может, ее злость уже прошла и не надо беспокоиться по поводу ее отсутствия.

Поехал я сразу после занятий в академии, вместе с Бортом. Не хотел внезапно появляться у ворот поместья, чтобы не давать повода для пересудов, и так уже наломал дров. Мне еще нужно было подумать о неких странностях. Хотя ничего явно не было заметно, но я чувствовал, что над моей головой сгущаются тучи. Это было ощущение чужого взгляда и невидимой сети, которую осторожно подводят ко мне. Это состояние не давало мне расслабиться и обрести душевный покой. Я не доверял уму, а, как настороженный хищник, чувствовал приближающуюся опасность инстинктами. Мои чувства трепетали, как ноздри варга, учуявшие противника, но спрятавшегося и пока невидимого. Зверь внутри меня залег и стал ждать, не выдавая своего присутствия. Вот именно так я мог бы описать свое состояние. Я понимал, что это во мне проснулась дикая природа первобытного существа, который живет не умом, а огромным желанием выжить и победить. Прежний Глухов просто бы отмахнулся от этого и сказал: «Глупости, просто показалось». Я уже так не мог.

Эрна как-то очень уж демонстративно прикрывается Аре-илом, вижу, что лжет, но все равно старается афишировать свои с ним отношения. Хотя с его стороны просто вежливое внимание к ней. Актриса она никудышная, и я вижу, что она заставляет себя идти к нему. Зачем? Иногда она замирает, и ее глаза становятся задумчивыми. Ребята говорят, что она отстранилась от всех. С ней надо будет разбираться в первую очередь. Я их готовил отражать атаки, убивать врагов, но что-то упустил, надо с дядькой посоветоваться, он обязательно даст дельный совет.

Кто-то затеял вокруг меня игру, появился новый противник или это происки старых, известных мне врагов? Мне пока было непонятно. Даже, может, это местные божки решили свести счеты. Я всем им поломал их планы. Как оказалось, у меня здесь нет высших покровителей, я сам по себе и против всех, ситуация архисложная и расслабиться не позволяет. Но сдаваться я не собирался. Моя надежда умрет после меня. Это я твердил себе, когда ко мне подступал липкий страх и одолевали сомнения. Этой фразой, как метлой, гнал их прочь. В конце концов, я русский, а русские, как известно, не сдаются. Может быть, я погибну в этом неравном противостоянии, но проблем высшим и низшим я создам выше крыши. Они должны будут понять, что меня лучше не трогать, и тогда я не буду мешать им. Стратегии у меня не было, но было понимание ее сути – концепция. Для успешного противостояния мне нельзя запыряться в ракушку и отсиживаться. Я должен быть активным и хитрым. Рок сам подкинул

мне идею, сказав, что я забрал часть его власти над миром Сивиллы, назвавшись Худжгархом. Вот им я для своих последователей и стану.

Мне нужно отправляться в степь. Показать себя. Собрать больше последователей. Всем людям и нелюдям нужны свидетельства чудес, без них их вера ослабевает, а значит, ослабевает и сила Высшего. Вот что разъярило Рока, он стал слабее и винит в этом меня. Задумываясь над его словами, я понял одну вещь, ранее ускользавшую от меня. Рок и Курама, мои новые противники, медлительны. Они в своих планах заряжены на столетия и тысячелетия. У меня такого запаса времени нет, я действую здесь и сейчас, порой мгновенно. Просчитать мои ходы они пока не в состоянии и просто за мной не успевают. Мое преимущество – инициатива. Пока я владею ею, они вынуждены реагировать с опозданием. Тут главное не зарываться. Не по своему желанию, а только волею судьбы и Рока, попав сюда, стараюсь выжить и тем самым своими делами ломаю их планы. А нечего было подставлять меня в качестве жертвы. Можно, конечно, попробовать не лезть в высшие сферы, но вот есть у меня предчувствие, что добром это не кончится. Мои размышления привели меня к выводу, что одна голова хорошо, а две лучше. Надо будет сходить к княгине в гости, обсудить с ней эти моменты. Там, у нее, или у меня... что-то я запутался... в общем, когда она не Шиза, а княгиня Хомо Шиза, она как бы более мудра и открыта.

За размышлениями я не заметил, как мы доехали до усадьбы. Почувствовав смутную тревогу, я насторожился и в ворота входил уже будучи полностью готовым действовать. Лицо охранника-нехейца было хмурым.

– Аскольд! Дедуля! Рад видеть. Что у вас произошло? – обнимая ветерана, спросил я.

– Не знаю, Ирри, – признался старик. – Пропала Вирона, и гресса перевела нас на усиленный вариант. Она ходит, что-то ищет и нервничает. Мы теперь по одному не передвигаемся, токмо по двое или по трое. Ты у нее спроси, она тебе более толково объяснит.

Я согласно кивнул и пошел дальше по территории поместья. Молодец, девочка, хорошо службу поставила, подумал я с благодарностью. Часто по вечерам, перед тем как уснуть, меня посещали мысли о будущем. Мне все равно придется когда-нибудь жениться и рано или поздно выбрать спутницу жизни. Не скрою, Ганга мне даже больше чем нравилась. Мне было приятно находиться в ее обществе, подшучивать над ней, наблюдая взрывы ее негодования. Но до любви я еще не дорос, мои чувства не пылали огнем, и я смирился с тем, что она будет моей женой. Но я часто заглядывался на грессу Ильридану и белокожую Тору-илу. Но Тора была внучкой великого князя, из монаршей семьи. И кроме того, снежная эльфарка смотрела на людей сверху вниз. Это сейчас она студентка и может позволить себе некоторые вольности. Но потом у нее будет совсем другая жизнь. Ее судьба уже заранее определена дедам, династический брак, выгодный семьям, вот что ее ждет. Я старался выкинуть ее из головы и даже порой забывал о ее существовании, но она неизменно опять возвращалась с памятью о поцелуе.

Меня унесло в далекие дали, и я, встряхнувшись, сам себе сказал: все, надо думать о делах. Не доходя до дома, я свернул к пруду и остановился.

– Эй, булькало! – позвал я духа. – Ты еще за грань не ушел?

– Мне и тут хорошо, – отозвался он, – врагов нет, пищи хватает и развлечений тоже.

– Чем развлекаешься?

– Наблюдаю, как глупые человечки в ловушки попадают, – забулькал страж места силы.

– Стоп, страж, расскажи подробно, что видел.

Я понял, что он говорит о Вироне. Она единственная не обходила эту тропинку, не чувствуя наведенного страха, и дух пруда ее, можно сказать, на дух не переносил, такой вот каламбур.

– Шла она недавно, несколько кругов назад, по тропинке и по глупости своей не видела телепорта-ловушки под ногами. Как вошла в зону его действия, так и исчезла.

Я почесал затылок, сняв перед этим шляпу. Интересные новости слышу. Оказывается, есть такие телепорты-ловушки, о которых я не знал. И они валяются в поместье под ногами.

– А как он оказался на дорожке, ты видел? – затаив дыхание, спросил я.

– Видел.

– И как же? Давай не тяни, пузырь с глазами, – поторопил его я.

– Из-за кустов прилетел и упал у тропинки, – ответил страж и забулькал что-то непонятное, но явно выказывая недовольство.

– А кто кидал, ты видел? – спросил я, не обращая внимания на его бульканье.

– Нет, не видел, видел только телепорт. Он рядом с ней пролетел, а глупая человечка его даже не заметила. – Он снова забулькал.

– А как ловушка выглядит? – спросил я, одновременно просчитывая варианты, как ловушка могла оказаться на территории поместья, и вариантов у меня было только два.

– В какую форму ее засунешь, так она и будет выглядеть, – недовольно ответил страж. – Эта была палкой. Но в магическом зрении – телепорт.

– Ясно. Еще что-нибудь рассказать можешь? Может, видел кого из чужих?

– Ничего больше не знаю, оставь меня, мешок с костями. – Страж обиделся на «пузыря» и скрылся.

Овор вместе с Чернушкой и Фомой встречал меня на крыльце. Они рады были видеть меня, но лицо Овора было уставшим и озабоченным. Видно было, что дядька в исчезновении Вироны винит себя. Как всегда, корит себя за то, что не поговорил с девушкой, не успокоил и всего не предусмотрел.

– Пошли в дом, есть разговор, – поприветствовав всех кивком, сказал я.

В кабинете Овора, где мы расположились, я оглядел их серьезные лица и без прелюдий приступил к делу.

– Короче, ситуация такая. Вирона попала в ловушку-телепорт, и ее унесло творец знает куда. Ловушку ей бросили под ноги из-за кустов около пруда. Вариантов того, кто это мог сделать, можно придумать много, но реально их только два. – Я помолчал, обдумывая новость для меня очень неприятную, и мрачно продолжил: – Первый вариант: кто-то чужой пробрался к нам и скрылся незамеченным, сделав дело. Второй вариант – это кто-то из своих. Фома, ты видел чужих в округе?

– Учитель, – ответил орк, – приезжали крестьяне, привозили продукты, и все, других чужаков не было. Это было уже после исчезновения Вироны.

– Ясно. Чернушка, что-нибудь странное твои заметили? – обратился я к девушке.

– Нет, не заметили. Чужих я бы почувствовала. Если только чужой не пришел телепортом и так же ушел.

Я вынужден был согласиться с ней, это рабочий вариант. Только какую цель преследовали похитители? Ловушка-телепорт штука не просто редкая, она даже неизвестная, по крайней мере мне. Значит, это древняя игрушка, и очень дорогая. Использовать телепорт, чтобы похитить девушку, как-то нерационально. Непонятно, охотились специально на нее или просто на любого обитателя поместья? Вирона ходит на работу в трактир, хватай ее по дороге и убегай. Для чего такие сложности с применением телепорта? Как-то не вяжется. Хотели показать нам свое могущество? Тоже смысла не вижу. Такие операции проводят тайно, скрытно, не показывая всех своих возможностей, чтобы не дать противнику подготовиться. Маловероятно, что они хотели похитить все равно кого. Случайность? Трудно сказать.

– Но я больше склоняюсь к тому, что это кто-то из своих напал на Вирону, – продолжил я. – Пробраться сюда очень трудно, даже телепортом, долго оставаться незамеченным вообще невозможно. С какой целью нужно было проникать сюда скрытно? Для того чтобы бросить ловушку под ноги первому встречному и удрать? Как-то нелогично. Такой телепорт вещь очень редкая и должна стоить огромных денег. Если специально охотились за Вироной, то ее гораздо

проще перехватить по дороге в трактир или уже там. Со мной уже такое было. Так что я склоняюсь к версии, что это кто-то из своих специально или нет напал на Вирону.

– Ты, сынок, конечно, во многом прав, – после минутного молчания заговорил Овор, – но мы не знаем целей и мотивов похитителей, может, завтра или через какое-то время они проявятся и поставят свои условия. Мы не знаем всех их возможностей, и то, что нам кажется нелогичным, вполне укладывается в логику их замысла. Тут надо понять не кто, а почему. Ты уверен, что использовали именно телепорт-ловушку?

– Да, дядька, уверен, но раскрывать источник информации не буду.

– Это и не требуется, – не стал настаивать Овор. – Будем исходить из двух версий, а за основу возьмем твою и будем действовать методом исключения. Исключим из круга подозреваемых тех, в ком мы уверены. Перечисли, в ком уверен ты.

– Ну что, подход верный, это сузит круг подозреваемых. Исключим всех находящихся в этой комнате, – сказал я.

Овор согласно кивнул.

– Исключим Лию, – продолжил я. – Остальные под подозрением.

– Я бы еще исключил Ринаду, – добавил Овор, – она хоть ссорилась с Вироной, но сама никогда не начинала и должна понимать, что первое подозрение ляжет на нее. Просто не могу представить ее в роли похитителя, – развел руками он, показывая, что объяснить по-другому свое мнение не может.

Я был с ним согласен. От нее никогда не исходила волна агрессии.

– Не согласна! – неожиданно резко сказала Ильридана. – Она девушка скрытная, о себе не рассказывает, но мастерски строит беседу, выуживая информацию о собеседнике. Нас учили такой схеме допроса. И мне кажется, она использует похожую методику.

Мы все, в том числе и Фома, удивленно посмотрели на грессу.

– Поясни, – попросил Овор.

– Я не могу утверждать, что она может быть причастна к похищению, но она странная, я это чувствую, и что-то скрывает.

Овор усмехнулся:

– Да, ей есть что скрывать, но это не относится к нашему вопросу. Но так и быть, мы не будем ее исключать.

– Дядька, и ты, Ильридана, займитесь проработкой этой версии, а Фому я заберу.

– Чернушка, – снова удивила меня девушка.

– Что Чернушка? – не понял я.

– Называй меня Чернушкой, так я чувствую, что ты мне больше чем друг. Я хочу стать твоей второй женой. – Она говорила об этом так спокойно, словно речь шла не о замужестве, а о том, чтобы сходить в лавку за зеленью. – Меня устраивает Ганга как сестра, она не подведет и всегда прикроет спину.

Овор закашлялся, даже Фома открыл рот и показал свои клыки. Я только хлопал глазами, ее честность и непосредственность обескураживала и затрагивала потаенные струнки души, находя где-то там тихий и несмелый отклик.

Я встряхнулся и сурово обвел всех взглядом.

– Страна в опасности, враг стоит у ворот, сейчас не до личной жизни. Мне надо подумать, а вы работайте. Тоже думайте!

Когда молодой барон решительно покинул кабинет, Овор прокашлялся и взял бразды правления в свои руки.

– О стране думать не будем, – сказал он. – О ней есть кому подумать. Давайте думать, что нам делать дальше.

Мне пришлось закрыться в своей комнате, и сразу оттуда я отправился на спутник. Я знал, что существует способ определить направление и местоположение перенесенного объекта по возмущению астрального поля планеты, главное успеть, пока след не исчез. Приходилось надеяться на то, что я не сильно затянул с поисками, хотя точно не знал, сколько времени след будет держаться. Не знал, как его искать. Но у меня была Шиза и проходимец Брык, так что я не оставлял надежды разобраться в этом вопросе. В конце концов, приобрету базу по телепортационным перемещениям.

– Командор, приветствую вас на борту станции. За время вашего отсутствия происшествий не было. Докладывает первый помощник Брык Чиполлино.

Морда появился в голографическом исполнении и стоял как живой, вытянувшись по стойке «смирно». На нем был кипенно-белый мундир офицера гражданского флота. На левом рукаве шеврон с буквами КФН поверху. А внизу два слова – «Отвага и честь».

– Что означают эти буквы у тебя на рукаве? – заинтересовался я. – Клуб Феселых и Находчивых?

– Никак нет, командор, это отличительный знак Космического флота Новороссии, – ни капельки не смутившись, ответил Брык. И, предупреждая все мои вопросы, принялся объяснять: – Я взял на себя заботу составить кодексы и уложения, а также административно-правовое законодательство государства Новороссия.

После его слов я сразу вспотел. Заявление Брыка, что ничего не произошло, всегда надо понимать в обратном смысле. Значит, где-то рвануло и снова требуется мое вмешательство. Я присел на краешек кресла и обреченно сказал:

– Рассказывай дальше, реформатор.

Польщенный Брык продолжил:

– Теперь княжество Новоросское – монархия со всеми атрибутами настоящего государства. У нас есть монарх – княгиня, что живет внутри вас, командор, злая девчоночка, многие ей лета. Канцлер – это вы сам. Премьер-министр – Гаринда Швырник Мудрая. Министр иностранных дел – Бран Швырник Проворный. Остальные должности занимаю я, секретарь Совета Безопасности Брык Чиполлино. Государственная реформа проведена блестяще и в короткие сроки. Всем государствам отправлены ноты, выражающие наши добрые намерения и пожелания добрососедства. Получили ответ от четырнадцати окраинных доминионов. Остальные пока думают.

С тем, что творит этот мошенник, я уже ничего поделать не мог. Его создатель сотворил неубиваемого монстра с обучающимся интеллектом. Лишь бы не тронулся рассудком от своего ума и не устроил войну с человечеством. Он расплодился уже по всему миру, где ему был открыт доступ, создал резервные копии, и они спят до лучших времен. Чтобы его уничтожить, нужно взорвать все искины, все оборудование, использующее программное обеспечение, все галактические коммуникаторы. Короче, впасть в каменный век всему обитаемому космосу. «Да уж!» – подумал я. Ромео отомстил не только командованию пограничных сил, он заложил бомбу под будущее всего человечества. Мне оставалось только смириться и не принимать его деятельность близко к сердцу. Но тут до меня дошло, что он не упомянул главный государственный орган, вернее, два. Министерство финансов и Центральный банк Новороссии. Чтобы эта морда забыла такой атрибут государственности, я не мог даже помыслить. Он не человек, он бездушная программа с искусственными чувствами и мегатонной памятью.

– Так ты у нас министр финансов и директор-распорядитель Центробанка? – вкрадчиво спросил я.

Брык взглянул на меня и спросил:

– Вам кофе или чай, командор?

Я поглубже уселся в кресло и простонал:

– Разорил, гад!

А как еще можно было воспринять его слова вместо прямого ответа?

– Вы о чем, командор? Все мои помыслы только о благе государства, я наконец благодаря вам нашел себе достойное применение. Конечно, министр финансов я. И Центральным банком управляю я. Но главой его являетесь вы, и только с вашего согласия я могу тратить деньги вне программ государственного строительства.

Я почувствовал было облегчение, но потом тревога всколыхнулась с новой силой. Его дополнение о программах государственного строительства могло означать что угодно. От создания звездной империи до Института загадок имени Чиполлино. Его интересы простирались столь далеко, что невозможно было предугадать, что он будет вытворять в следующую минуту, движимый вложенной в него неугасимой страстью к импровизации и деятельности. Единственный возможный вариант как-то приостановить этого монстра программной технологии и отвлечь от созидательной суеты – загадать ему новую загадку.

– А у нас что, есть программы государственного строительства? – Я уставился на луковичу, пытаюсь превратить глаза в боевые лазеры и сжечь его ко всем чертям. Лучше уж это, чем всякий раз, появляясь на спутнике, страшиться очередных новостей от новоявленного реформатора.

– Они готовы. Вам осталось их только утвердить, – ответил монстр в белоснежном кителе. Вздыхнув свободнее, я делано небрежно бросил:

– Скинь их княгине, она лучше в этом разбирается.

Брык с достоинством кивнул и несколько раз мигнул.

– Еще вопросы есть, командор?

– Есть несколько, – кивнул я. – Доложи о состоянии финансов и откуда идут поступления.

– Я сброшу вам отчет, – стала юлить морда. Значит, рыло у него в пушку.

– Не надо отчета, кратко. Сколько кредитов в банке, и откуда какие приходят поступления.

– На счете пятьдесят миллионов. Сорок миллионов поступило от конторы Бада и шахтерской компании в процессе их самоликвидации. Кстати, Окуроч сошел с ума. А Бад ждет суда. Что с ними делать?

– Точно, как же я о них забыл! – хлопнул я себя по лбу. – Отправь на Суровую, и пусть их там осудят. Продолжай.

– Два с половиной миллиона – налоги от дохода колонии, и миллион кредитов получены от торговой станции за услуги. Остальные деньги были на вашем счете.

– А какие услуги мы оказали торговой станции, Брык? – подозрительно глядя на Чиполлино, спросил я.

– Я им помог разблокировать искины после хакерских атак злоумышленников, – ответил он так равнодушно, что у меня закралась мыслишка, уж не его ли рук дело эта хакерская атака.

Но вдаваться в подробности я не стал. С ним чем глубже копаешь, тем глубже закапываешься сам. У меня даже появилось подозрение, уж не он ли истинный виновник смерти своего создателя. Поняв наконец, какого Франкенштейна он сотворил, Ромео не выдержал груза будущих проблем человечества и скончался от угрызений совести. А письмо это так, для отмазки.

– Ну помог, и славу богу. Главное, деньги не пропил и не проиграл в загадки, – высказался я, вздохнув с облегчением. Разбираться дальше в сути его помощи я не хотел. Меня подстегивало исчезновение Вироны. – Ладно, это выяснили, надеюсь, все остальное ты тоже сделал на высшем уровне. Мне нужно отследить перемещение живого объекта по иносфере планеты. Можешь?

– Без проблем, командор, назовите код объекта и время, когда произошло перемещение.

– Кода я не знаю, но ты можешь уточнить у искина станции. Объект перемещался через этот спутник.

Брык помигал и доложил:

– Перемещение было одно, код имею. Приступаю к работе.

И снова замигал. Мигал он долго, и наконец я услышал:

– Я смог определить только примерное направление. К сожалению, след уже практически исчез, я применил моделирование и по нему установил, что объект или переместился в портовый город на побережье Лигирийской империи, или затерялся в междумирье. Точки выхода не определяются.

– Как город называется?

– Брахнавар.

– Куда ведут морские пути? – Вопросы мои были краткие и по существу. В то, что Вирона затерялась в пустоте, я не верил. Еще не было такого, чтобы люди пропадали при переносах. По крайней мере, о подобных случаях неизвестно. В этом мире используются другие методы переноса, не позволяющие затеряться. – Брык, ты можешь отследить объект на планете?

У меня еще оставалась надежда на то, что мы сможем найти ее, лишь бы она была жива. Зная ее нелюбовь к местным, можно было ожидать чего угодно. Например, что ее прибьют в темном переулке. Или что она вырежет город, если захватила скафандр и свой меч.

– Мне нужно на это время, и желательно, чтобы объект отправил сообщение, – ответил Брык.

– К сожалению, объект работает только на прием, передача сообщений у него закрыта.

– Хоть что-то, – ответил самозванный министр финансов. – Командор, передайте ему сообщение, я буду искать по возмущению информационного поля.

«Дух Привидению.

Детка, мы знаем, что ты попала в портал, направление Брахнавар. На помощь высылаю Фому. Держись».

Составив краткое послание, отправил его.

– Ищи, Брык, тщательно, – приказал я. – Как найдешь, скинь сигнал, и вообще, если возникнут проблемы в княжестве, срочно бей тревогу. Я прибуду и стану разбираться. Понял?

– Так точно, командор! Вам кофе или чай?

– Не надо, я пошел.

– Подождите, босс! – всполошился негодник. – А какой ответ на загадку: «Зимой и летом одним цветом»? Тут сразу несколько вопросов. Что такое лето? Что такое зима?

– Зимой и летом одним цветом это может быть елка, сосна, пихта, туя, – ответил я. – Зима – это когда идет снег и мороз на улице. Лето – это когда тепло и снега нет. Если отгадают и назовут елку, скажи: неверно, это сосна. Если назовут сосну, скажи: неверно, это елка.

Брык замигал, как новогодняя гирлянда, выбивающая азбуку Морзе. Я даже подумал, что он сейчас перегорит и унесет с собой тайну пароля от счета. Но он справился и ответил:

– Вы, командор, гений загадок. Давайте еще загадку.

– Ты просто не читал журнал «Мурзилка», – рассмеялся я. – Всю мудрость черпаю оттуда. Вот тебе самая простая: один глаз, одно ухо, одна дырка. Разгадывай.

И убыл.

Открытый космос. Приграничная станция «Созвездие-57Т»

Блум Вейс с интересом читал сводку сообщений, составленную аналитическим отделом Управления. Ему всегда нравилась рубрика «Необычное и курьезы». Сейчас курьезом стало Новоросское княжество. Это монархическое государственное образование размером с молекулу разослало ноты во все государства. Оно заявило о себе со всеми тонкостями дипломатического этикета, что говорило о высоком уровне их министерства иностранных дел. Оно не выпячивалось, не пыталось выглядеть больше, чем оно есть. Но заявляло о себе на межгалактической арене. Кроме того, вступило в союз с такой же крошечной республикой. А это уже совсем другой международный статус.

Надо будет к нему присмотреться, подумал Вейс и перешел на следующую страничку.

Станцию соседей из Шлозвенга снова поразил вирус, и ее деятельность на некоторое время была парализована. На всех искинах висел запрос: «Зимой и летом одним цветом». Специалисты его Управления не смогли решить эту задачу и составили отчет о том, что она не имеет решения или же решение лежит в плоскости неизвестных категорий. Уровень сложности не поддается определению. Совет станции обратился за помощью ко всем и выделил награду в миллион кредитов за помощь по разблокированию искинов. Помощь пришла из Новоросского княжества. Их программисты за короткий срок удалили вирус.

Аналитики рекомендовали отыскать правонарушителей киберпространства и привлечь к работе в Управлении. А также выйти на связь со специалистами Новороссии.

Вейс отложил отчет и, доверяя своей интуиции, вслух произнес:

– Это княжество еще себя покажет. Если выживет. Некоторые глобальные игроки недовольны его существованием. Как говорится, проживем – увидим. – Он связался с секретарем. – Рина, кофе мне и сигареты.

Лигирийская империя. Город Брахнавар

Девушка открыла глаза. Вокруг была кромешная тьма и затхлая вонь. Кусочек света проникал сквозь щелку внизу двери, но это было далеко от нее. Наверное, это длинный коридор, подумала она. Мысли болью отдались в голове, Вирона застонала от головокружения и подступившей тошноты и попыталась пошевелиться. Но куда там. Руки и ноги ее были крепко связаны, а сама она лежала на холодном полу. Подступила паника, но тут же сработал механизм самоанализа, принесший сосредоточенность и определивший цель. Малыш – как она про себя называла Ирридара из-за того, что он был ниже ее ростом, – жестко вбил в нее способность вовремя включать свои природные таланты.

Она связана, значит, в плену. Где? Неизвестно. Кто ее похитил? Неизвестно. Как похитили? Она догадывалась. В последний момент перед тем, как потерять сознание, Вирона увидела окно портала. Как он оказался на ее пути, девушка не знала. Но то, что она была перенесена с помощью портала, не вызывало сомнений. Зачем? Сейчас это не имело значения. Главное было разобраться в обстановке и попытаться дотянуться до молекулярного меча. В последнее время она стала подозрительной и, доверяя своим чувствам, носила клинок с собой. Благо, что в отличие от громоздких местных мечей у ее клинка было силовое лезвие, появляющееся после того, как возьмешь меч в руку и активируешь. Молекулярный меч представлял собой небольшой стержень, удобно лежащий в руке, и был настроен только на нее. Причем защита была двойная – кожа руки и определенная волна нейросети. Если работать приходилось в перчатках, то на рукоять проецировалась кожа ее руки. Но даже если вытащить нейросеть и содрать кожу с ладони, нужно назвать ключевое слово, чтобы активировать клинок. Поэтому никто другой не смог бы им воспользоваться.

Одежда была на ней. Ее обыскали, так как сумки, которую здесь все носят, с ней не было. Клинок был в потайном кармане платья, и, если не знаешь, что искать, найти его в складках платья довольно проблематично. Но вот добраться до него Вирона сейчас не могла. Значит, нужно терпеть и ждать развития событий. Терпеть она умела, долгие годы занятий фехтованием к этому приучили. Приучили терпеть боль, неудобство, постоянное ожидание, когда наступит ее очередь. Все это прививалось с детства. Она закрыла глаза и постаралась отрешиться от всего. Так ее учил тренер: уйди в себя, забудь обо всем. Есть только ты и вечность. Почувствуй ее, и время перестанет для тебя существовать. Она настроилась на единение и забылась.

– Смотри-ка, она все еще в отключке, – прорвался сквозь пелену чей-то громкий голос. Затем яркий, как ей показалось, свет ударил по глазам, проникая даже под закрытые веки.

– Она хоть живая? – спросил другой голос.

– Да что с ней станется! Когда ребята ее нашли, она была в обмороке. Одета хорошо, но денег с собой у нее не было. Что она делала в рыбацких кварталах, даже представить не могу. Ей еще повезло, что первым на нее наткнулся Регул. Говорит, смотрит, у стены склада кто-то лежит, подошел и видит: девка. Одета не по-нашему, в шубе. Чистая, не из местных. Регул с ребятами ее притащили сюда, и Борода приказал связать ее. Выдал по серебряку и был доволен. Хороший товар. Теперь узнаем, если не тронута, то за нее неплохой куш получим. А коли тронута, пропустим по кругу и продадим тому, кто больше заплатит. С нее не убудет, – рассмеялся рассказчик.

Двое, поняла Вирона. Она не открывала глаза и продолжала ровно дышать, ничем не выдавая, что пришла в себя.

– Странная она, на наших не похожа. Как бы из-за нее неприятностей не схлопотать. Продать бы ее на остров, и дело с концом. А так, может, ее уже ищут.

– Борода лучше нас знает, что надо делать. Буди ее. Ишь разлеглась!

Вирона почувствовала, как ее пихают ногой.

– Эй, цыпа, просыпайся, – глумливо проговорил первый. – Скоро тебе свои прелести показывать, а ты спишь как младенец.

И оба негодя громко расхохотались.

Понимая, что дальше изображать беспамятство нельзя, она открыла глаза и застонала:

– Где я?

– Там, где надо, крошка. – Один из них, высокий, нагнулся и развязал веревки на ногах Вироны. – Вставай.

– Я не могу, ноги затекли, – слабым голосом проговорила Вирона. – Развяжите руки, я их не чувствую.

– Освободи ей руки, – сказал второй, и высокий перерезал веревки на запястьях девушки. – Теперь встать сможешь? – спросил он идохнул на нее вонючим смрадом гнилых зубов.

– Постараюсь, – тихо ответила Вирона. Запарила ладонью по юбке, нащупала и вытащила клинок, зажав рукоять в ладони. Встала на четвереньки, и высокий помог ей подняться на ноги.

– Пошли, красотка. Мы выведем тебя в свет. – И оба снова рассмеялись своему каламбуру.

Вирона уже знала, что ее ждет, и лишние противники ей были не нужны. Она повела рукой, и головы мужчин, еще продолжавших смеяться, отделились от туловищ. Вирона постаралась отойти от них подальше, чтобы не испачкаться в крови. Руки и ноги ее хорошо слушались. Это она перед бандитами притворялась немощной, стараясь усыпить их бдительность. Пока она лежала, то волевым усилием заставляла кровь двигаться по телу, этому она тоже научилась, занимаясь спортом.

Дверь была открыта. Девушка правильно оценила обстановку, ее действительно бросили на каком-то складе, заставленном ящиками и мешками. Из темноты помещения, где ее держали, Вирона заметила в соседней комнате двоих мужчин за столом, на котором тускло горела лампа. Один был коренастый, с густой седой бородой, в ухе которого висела серьга – толстое кольцо. Другой худой и сутулый. Вирона изобразила немощь и, держась за стену, вышла к ним. В комнате, кроме этих двоих, никого не было. Без всякой тревоги оба с удивлением воззрились на нее.

– А где Варзун и Везунчик? – спросил бородатый, видимо, он все еще не понимал, что происходит.

Но девушка не дала им времени опомниться и быстрым шагом приблизилась. Сначала она рубанула по ногам худому, и те отвалились вместе с ножками скамьи, на которой он сидел. Мгновение он удивленно смотрел на свои отрубленные конечности, а потом дико заорал. Бородатый вскочил и попытался схватить дубину, которая лежала рядом с ним на столе. Но Вирона,

кровожадно улыбаясь, моментально перерубила ее вместе с крышкой стола. Клинок словно хворостину разрезал обитую металлом палку возле самой руки бородатого.

– Сядь и не дергайся! – приказала Вирона.

Мужчина с вытаращенными глазами послушно сел. Худой орал так, что закладывало уши.

– Хочешь остаться навек без ног? – спросила Вирона.

Бородатый отрицательно покачал головой.

Как проводить быстрые допросы, Вирона знала, этому их хорошо обучили, хотя ей никогда не приходилось применять свои знания на практике. Ну что же, мелькнула у нее мысль, придется попробовать.

– Если ты хоть чуточку шевельнешься, Борода, или я заподозрю, что ты мне врешь, я тебя не убью. Я лишу тебя сначала мужского достоинства... – Она воткнула слабо мерцающее лезвие между ног орущего безногого. – Потом отрублю тебе пальцы. – И она отрубила половину кисти у того же худого. – Ну так что, мы договоримся? – спросила она и облизнулась. Еще по соревнованиям она знала, как действует ее улыбка и горящие глаза на соперника. Она выходила не сражаться, она всегда была настроена убить и выжить. Большинство соперников теряли волю, когда видели ее решимость. Ее даже тренер побаивался в спаррингах.

Борода перевел затравленный взгляд с орущего дружка на девушку и сразу ей поверил. В ее глазах жила такая жажда убийства, что он не выдержал и пустил петуха:

– Госпожа, вышла ошибка!

– Так мы ее исправим, – томно промурчала девушка, напоминая довольную пантеру, поймавшую кролика. Ногой придвинула к себе табурет, села. Не глядя махнула мечом, и крик раненого оборвался.

– Что вам надо, госпожа? – трясущимися губами проговорил бородатый.

– Немного. Знать, где я. И кто ты.

– Вы в городе Брахнаваре, это порт в империи, госпожа. Я, Жих Товгар, торговец. Вы у меня в лавке. Не подумайте плохого, ваша милость, мы нашли вас без памяти в квартале рыбаков и принесли сюда от греха подальше, – поспешно, проглатывая окончания заговорил Жих. – Это очень бедный и опасный квартал. За одну вашу шубку вас могли там прирезать. Мы только помогли...

– Торговец краденым и живым товаром, вот, значит, кто ты. Я слышала, как те двое, что без голов лежат на складе, говорили, что ты, Борода, хочешь меня продать.

– Они лгуны, госпожа! Чтобы я на такое пошел, да ни в жизнь! Я дорожу своим именем! – Торговец с искренним возмущением ударил себя в грудь.

Вирона отрешенно смотрела на лицедейство бородатого, она его и слушала-то вполуха. В данный момент она просчитывала возможные варианты дальнейших действий. Возвращаться немедленно ей было нельзя. Тот, кто ее сюда отправил, должен был поверить, что она навсегда канула в неизвестность. Тогда он потеряет осторожность. Кто это был, она не знала, но, отправляясь в путь через портал, угасающим сознанием смогла ухватить видение полы одежды человека, стоявшего за кустами. В первый момент она подумала, что ей показалось. Но нейросеть создала модель кустов и того, что ей привиделось. Вирона только сейчас смогла понять, что ей показалось странным. Она увидела полу такой же шубки, как и у нее. Лия, верная своим правилам, купила зимние шубки, для всех одинаковые – и для себя, и для работниц. Значит, за кустами стояла женщина, и она видела, как Вирона исчезла. Если это случайная свидетельница, то она расскажет о ее исчезновении, портал не заметить было сложно. Если это враг... Вирона даже поморщилась от этой мысли, не желая принимать такую версию. Если это враг, то она промолчит, и Вирону будут искать не сразу. Она поймет это по тому, как скоро Ирридар выйдет на связь с ней. Если через несколько дней, то в их рядах предатель. Она понимала, что ее ревность видна окружающим и они могут подумать, что Вирона исчезла

на несколько дней, чтобы «спустить пар», и не станут немедленно бить тревогу. Но это в том случае, повторила она себе вновь, стараясь принять неизбежную правду, если среди них спрятался враг.

Борода заметил, как поморщилась девушка, и, не шевелясь, заголосил:

– Помилуйте, ваша милость! Регул, сволочь, попутал! Не калечьте, я все расскажу!

Вскоре Вирона знала не только расклад в криминальной среде района, где она находилась, но и самого Брахнавара. Как она верно определила, Жих Товгар – торговец и скупщик краденого. Промышляет грабежом и работоторговлей. У него была своя небольшая банда, которую она вырезала наполовину. У него проблемы с конкурентом, и тот потихоньку, но неотвратимо его вытесняет. Все это она слушала и одновременно составляла план своих дальнейших действий.

– Значит, так, Борода. Мне нужно побыть здесь некоторое время. Я останусь у тебя.

Борода охотно закивал, соглашаясь с ее решением.

– Кроме того, я помогу справиться с мешающим тебе Рябым.

Густые брови бандита поползли вверх. Такого поворота он не ожидал, думал заболтать ее и удрать, как только она его отпустит. Позвать стражу, обвинив девчонку в убийствах.

– Я знаю, Борода, что ты решил сдать меня стражникам и обвинить в убийстве этих несчастных, – произнесла Вирона, ломая планы бандита. Улыбаясь своей неподражаемой улыбкой хладнокровного убийцы, она смотрела на Жиха. – Но, когда ты приведешь стражу, они увидят мое истерзанное тело и выслушают мою версию событий. Как думаешь, кому они поверят? Аристократке, которую выкрали бандиты, или тебе, разбойнику? Тем более что я пообещаю тысячу золотых корон за свое освобождение и доставку в Вангор.

Борода не был дураком и прекрасно представлял, что с ним сделает стража за дворянку, и тем более, что, если благородный обещал такую сумму, он выплатит.

Его десяток золотых стражники засунут ему глубоко в одно место и быстро освободят место для конкурента. С другой стороны, эта красивая ведьма, помешанная на убийствах, обещает помочь решить его проблемы. В том, что она упивается убийствами, он ни на дилу не сомневался, достаточно посмотреть, с каким наслаждением она кромсала Сутулого. Девушка благородных кровей, но в душе такая же бандитка, как и он сам, и Борода со спокойной совестью принял ее как свою. Кроме того, стадный инстинкт заставил его принять ее главенство.

– Не беспокойтесь, госпожа, я сделаю, как вы велите. Приказывайте.

Инферно, нижний слой

Демон рассматривал лица своих коллег. Он их не знал, да и знать не мог. Все они окончили разные спецшколы и были собраны, как говорится, с мира по нитке. Четверо метаморфов, вернувшиеся в свою человеческую форму после потери сознания, лежали отдельно упакованные, так что освободиться сами не могли. Он сам их связал и, не давая возможности помочь друг другу, приказал отнести на самый глубокий уровень, отрытый в разрушенном городе. Всех возможностей тех, кого отбирали и готовили по специальной программе в отряд службы собственной безопасности АДа, он не знал, но предполагал, что те, кто были призваны найти и захватить своего же полевого агента или уничтожить при невозможности захвата, должны быть специалистами экстра-класса. Они, по слухам, были универсалами, но имели каждый свою специализацию. Поэтому вместе они были как четко отлаженный механизм, не дающий сбоев.

Он разместил их в одной комнате, перегороженной решетками. Скорее всего, в свое время это была тюремная камера. И теперь в ней содержались пленники.

Алеш изучал их, а они смотрели на человека в старом боевом скафандре. Из-за затемненного забрала его лица не было видно. Но Алеш и не собирался открывать им свое лицо. Он часто менял свою внешность, и те установочные данные, которые могли быть переданы Вейсом в центр, были первоначальные. Алеш менял все: лицо, телосложение, цвет кожи, группу

крови и кожу на ладонях. Операции были недешевые, но Прокс не скупился на свою безопасность. Он внутренним чутьем живущего в нем зверя знал: если когда-нибудь он промахнется, охотиться будут уже за ним.

– Добрый день, господа, – раздался из скафандра механический голос. – Кто старший, и кто будет со мной говорить?

Из-за стекла забрала Прокс видел их бесстрастные лица, напоминающие маску. Внутренне они были готовы к любому исходу. В своей смерти они были уверены и разговоры с кем бы то ни было вести не собирались. Не можешь повлиять на ситуацию – прими смерть достойно. Так их учили, и поэтому ответом ему была полнейшая тишина.

Он и не надеялся, что будет иначе. Их ответы ему были не нужны. Алеш собирался донести до них то, что их ждет, и от их реакции будет зависеть их дальнейшая судьба.

Долгими ночами он перебирал варианты своих действий после захвата. А в том, что он сумеет их захватить, Алеш не сомневался, как бы ни готовили агентов в Центральном аппарате, этот мир преподнес уже не один сюрприз и преподнесет их еще не раз. Они были новички, а он уже свой, плоть от плоти этого безумного мира.

Аналитический сектор в его нейросети прорабатывал сотни возможных сценариев. И все они не удовлетворяли Прокса. Но все же ему удалось найти приемлемый вариант. Вернее, три. В зависимости от того, как поведут себя чистильщики. У него была надежда, что эти ребята из центра тоже хорошо понимают, какие игры ведутся там, наверху, и не захотят быть заложниками чужих амбиций. Он отдавал себе отчет, насколько тонко ему надо будет сыграть на их чувстве самосохранения. Будучи сам агентом, он не верил в их стойкое желание умереть за чужие интересы. Одно дело погибнуть на задании, другое дело – погибнуть позорно, будучи обвиненным в предательстве, выгораживая человека, который их использует, чтобы спастись самому.

По каким-то драконовским инструкциям, составленным в глубокой древности, предателей сжигали живьем в медной трубе, под которой горел огонь, и каждый агент получал изображение казни.

– Мне в общем-то нет необходимости слушать кого-то из вас, – не дождавшись ответа, сказал Прокс. В том, что они поначалу будут молчать, он не сомневался, не сомневался он и в том, что они заговорят. – Я вам расскажу о вашей дальнейшей судьбе.

На лицах слушателей не дрогнул ни один мускул. Он понимал их мысли. Пока он говорил банальности, и они не трогали этих четверых. Что может этот человек? Даже если это разыскиваемый ими Демон. Убить их? За ними придут другие и будут более подготовлены. В конечном счете он пошел против системы и был обречен. Поэтому пусть сотрясает воздух и наслаждается своей победой. Они будут отомщены. Это заповедь Ада. Завтра. Через двадцать лет. Не важно, по этим преступлениям срока давности нет.

– Вы не по своей воле стали предателями, а по воле того, кто вас послал. Вступили в тесный контакт с преступниками, с которыми борется по всему миру АД. Вы четверо уже вне закона. Поэтому я могу вас казнить и файл с казнью отправить в свое Управление. Доказательств вашей вины много. Вот здесь, – он поднял баул, – магические ингредиенты для отправки из сектора, которые везли крауры. Они сделаны из органов разумных существ. При этой процедуре сам разумный погибает. Люди, которых вы провожали на нижний слой, предназначены для переправки туда же. Там их лишат личности и засунут в них оцифрованную матрицу какого-нибудь больного старика с большими деньгами. Суррогат вечной жизни. Этого вполне хватит на медную трубу, господа.

Несмотря на всю выдержку этих четверых, их лица во время речи Прокса мрачнели. Говоривший хорошо знал, с кем они шли и что за груз был в караване.

– Демон, ты ошибаешься, – вполне уверенно и спокойно сказал один из них. – Ведь ты Демон, не так ли? – Он скорее утверждал, чем спрашивал. – Мы прибыли за тобой и к каравану

не имеем никакого отношения. Просто пристали к нему на время, нанявшись охранниками. Все, что ты говоришь, это только твои домыслы, – по-прежнему спокойно излагал свою версию событий чистильщик. По-видимому, это обговаривалось заранее, на случай непредвиденных ситуаций.

Алеш понимал, что они хотят занять позицию «ничего не знаю, все это вышло случайно». Это была бы неплохая позиция, но им следовало бы учесть некоторые особенности этого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.